

ИСТОРИЯ ГАЛАКТИКИ

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ

ИЗОЛЯЦИЯ

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Изоляция

«Автор»

2014

Ливадный А. Л.

Изоляция / А. Л. Ливадный — «Автор», 2014 — (Экспансия: История Галактики)

ISBN 978-5-699-73672-0

Далекое будущее... Ожерелье – планетарную систему, сформированную некогда древней могущественной расой логриан, – сотрясали катастрофические Смещения, несущие неисчислимые беды обитателям Первого Мира. Го-Лоит – модернизированный клон логрианина – при помощи бесчисленных орд скелхов, выращиваемых им в инкубаторах, топил планету в крови земных колонистов. Очередной его жертвой должна была стать тиберианка Яна. Прирожденный солдат, она была вынуждена исполнять преступные приказы Го-Лоита, пока на пути ее не оказался Райбек Дениэл – легендарный космический археолог...

ISBN 978-5-699-73672-0

© Ливадный А. Л., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	30
Неизвестная точка пространства...	30
Солнечная система	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Ливадный

Изоляция

© Ливадный А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Рекомендация автора:

Для читателей, ранее незнакомых со спецификой системы Ожерелье и Первого Мира, в приложении к книге дано краткое описание некоторых основополагающих явлений и событий.

Пролог

Выл ветер. При ясной морозной погоде он сдувал скопившийся на скалах пушистый снег, и крупные хлопья, медленно кружа, падали в разлом ущелья.

Она сидела, запрокинув голову, опираясь спиной о покрытую инеем, насквозь промерзшую стену руин. Побелевшие пальцы сжимали «АРГ-12», в открытых глазах отражалось бездонное небо да цепь планет Ожерелья, дугой сбегаящая к горизонту.

Снежинки уже не таяли на ее лице.

Стужа сковала мир. Тело девушки окоченело.

Серые безликие существа сновали вокруг. Появляясь из недр внутрискального лабиринта, они вынесли на мороз еще несколько погибших в бою людей, сложили их тела на краю обрыва.

Закат, продолжавшийся трое суток, угас. Гравитационный удар Смещения прокатился судорогой землетрясений, глухо пророкотали обвалы, небольшая снежная лавина сошла в ущелье, взвихрилась, похоронила под собой каменную лестницу, вырезанную в незапамятные времена.

Ветер усилился. Небо заволокло плотными облаками, началась метель.

Серокожие существа не обращали внимания на холод. Они лишь отдаленно напоминали людей строением тела. Их гибкие, будто щупальца, конечности позволяли двигаться быстро, не увязая в снегу, черты лиц мягко и неясно проступали сквозь плотный материал герметичных защитных оболочек, не позволяя понять, как же они выглядят на самом деле.

После гравитационного удара наступила тьма. Мороз крепчал. Деревья стояли голые, ветер и стужа за считанные дни сорвали с них листву, ветви гнулись под напором ветра, снег проносился сквозь кроны, мир тонул во мгле.

Казалось – это навсегда.

Из подземелий выбралось еще одно существо.

Пройдясь между руинами, осмотрев тела, оно издало короткое шипение, и скелхи, выслушав приказ, подхватили окоченевшее тело девушки, поволокли его в свитый спиралью тоннель, откуда исходил красноватый свет и веяло теплом.

* * *

Снег, сошедший в ущелье, скрыл следы недавнего боя. БПМ с посеченной лазерами броней и заглухшим двигателем лежала на боку, но в момент гравитационного удара ее покачнуло, вновь поставило на огромные цельнолитые колеса.

Два человека успели заползти под днище боевой планетарной машины, прежде чем Смещение сорвало пласт снега.

Сейчас они лежали в тесном пространстве, едва живые после полученных ранений. Один дышал сипло, надрывно, его губы обметала кровавая пена, на груди расплзлось темно-красное пятно, у второго разрядом из лазерного излучателя отхватило правую ногу чуть ниже колена, но руки еще повиновались, сознание упрямо держалось, хотя внутри стыл холод, более лютый, чем крепчающий мороз наступившей ночи.

Сегодня погибли все, с кем он был связан незримыми узами, кого еще мог любить в глубине очерстневшей души.

Все, кроме ненавистного брата, – вот он скорчился рядом, надсадно дышит, булькает кровью.

– Держись... Не вздумай умирать, братишка... – Его пальцы на ощупь нашли аварийный люк, расположенный в днище БПМ.

Обрубок ноги пылал болью и слабо кровоточил – лазер прижег рану, обуглил плоть.

Пару дней назад он крепко стоял на своей земле, знал, что не отдаст никому ни пяди, а вон как вышло, – хрипя от натуги, Казимир продернул прихваченный морозом рычажный механизм, открывая доступ в заиндевевшее нутро планетарной машины.

Ненависть сжимала сердце, не позволяя поддаться холоду и отчаянию. А как хотелось затихнуть в изнеможении, утонуть в боли, чтобы все закончилось быстро, – здесь и сейчас.

«Держись, братишка...» – Он боком подполз к открытому люку, в надрывном усилии приподнял огрузневшее тело Урмана, кое-как впихнул его внутрь, минуту или две лежал на примятом, подтаявшем от крови снегу, силясь унять бешеные удары сердца.

Жить калеккой, потеряв всех, – не лучший выбор, но иного ответа не нашлось – ни в душе, ни в рассудке, нигде.

Он отдышался, подтянулся на руках, по сумеречному десантному отсеку дополз до кабины управления, со стоном привстал, перевалился через подлокотник кресла.

Устройство чужих еще работало, и двигатель БПМ завелся от первого прикосновения к сенсору пуска.

Мягко осветились дисплеи. Экран внешнего обзора показывал лишь спрессованный снег, но ничего, выдюжим. Можно и калеккой. Это была уже не стойкость духа, а черный, поглощающий рассудок омут, в котором потонула прошлая жизнь.

Рука коснулась сочетания текстоглифов. Взвизгнув промерзшим приводом, закрылся люк в днище. Боевая машина вздрогнула, качнулась на подвеске, три пары ведущих колес вгрызлись в кровавый наст, мощный лобовой скат брони продавил рыхлый сугроб.

Прошлое умерло.

Вскоре ущелье осталось позади. Древнюю логрианскую дорогу занесло снегом, но Казимир хорошо знал эти места. Ближайший поселок располагался сразу за перевалом Стражей. Он отчетливо понимал, что приведет с собой беду, но иного выхода не было...

Существо, недавно отдававшее приказы скелхам, сейчас стояло на краю обрыва, глядя вслед удаляющейся боевой машине. Казалось, пришелец не только видит БПМ, но и вслушивается в вязкие человеческие мысли, жадно воспринимая яркие, рожденные горем и ненавистью образы, черпая из них подсказку: как выбраться из незавидного положения, как снова обрести техническую мощь, потерянную в схватке с системами планетарной обороны.

На эмоциональную окраску человеческих мыслей он попросту не обращал внимания.

Пришелец знал, как можно управлять мирами, манипулировать цивилизациями, понимал, что в клокочущей ярости этой «букашки» скрыт ключ к победе. Некоторым особям нужно оставлять жизнь – пусть действуют, думая, что вершат судьбу.

Боевая машина уже скрылась во мгле разыгравшейся непогоды, а он все стоял на краю обрыва, под порывами ледяного ветра. Не все образы, полученные из сознания человека, были понятны, но суть намерений удалось уловить отчетливо.

Он развернулся и направился к тоннелю, ведущему в теплые уютные недра горы.

Глава 1

Десятый энергоуровень гиперсферы. Система Ожерелье. Неделю спустя после Смещения...

Холодно.

Она сидела, запрокинув голову, опираясь спиной о шероховатую стену.

Обрывки мыслей, причудливо смешанные с травматическими воспоминаниями, кружили в сознании, словно скорченные, пожухлые листья.

Она была тиберианкой. Это определяло смысл жизни, формировало отношение к окружающему, диктовало поступки.

Боль переполняла ее. Единственное, что помнилось четко, – это последние минуты перед смертью. Древняя каменная лестница, вырезанная в скалах, предательская наледь на ступенях, надрывный бег, обрывистый край небольшого горного плато, а дальше – какие-то насквозь промерзшие руины.

– Задержи их! – голос в коммуникаторе принадлежал отцу.

Она быстро осмотрелась. В недрах горы, возвышавшейся над плато, была скрыта какая-то древняя логрианская система. Пришельцы, вторгшиеся в Первый Мир, трое суток прокладывали путь сюда, не считаясь с потерями.

Яна быстро нашла позицию. Мороз крепчал. Сил почти не осталось. Установив «АРГ-12» на сошки, она взяла под прицел продуваемую ледяным ветром площадку.

Чужие появились спустя пару минут. Внизу, в ущелье, дробно рассыпались звуки беспорядочной перестрелки.

Она прицелилась, выжала спуск. Гулко ударила длинная очередь. Горячие гильзы, шипя, полетели в снег.

Двое скелхов упали, забились в агонии, еще один, не издав ни звука, сорвался в пропасть, но четверым удалось добежать до ближайшего отгрызка стены, укрыться за ним, открыть ответный огонь.

Древняя кладка не выдержала, взорвалась, – попадание лазерных разрядов мгновенно превратило лед в пар, позиция рассыпалась грудой дымящегося щебня, но Яны там уже не было. Она пробежала по шатким деревянным мосткам, оказалась на втором этаже руин.

Металл звонко лязгнул о камень. Тугая очередь вспорола сумрак. В призрачном свете планет Ожерелья она отчетливо видела, как еще один скелх, получив пулю, выронил оружие, начал отползать, оставляя на снегу розоватый след.

Предательский снайперский выстрел ударил издалека.

Боль прошла грудь, руки мгновенно стали ватными, непослушными. Она выронила «АРГ-12» и медленно осела, беспомощно хватая ртом ледяной воздух.

Сознание померкло, затем ненадолго вернулось. Все виделось как в тумане, через дымку боли, бессилия, отчаяния. Жизнь уходила медленно, по капле, кровь сочилась между пальцами...

Скелхи уже не обращали на нее внимания, лишь один, пробегая мимо, ударом ноги отшвырнул «АРГ-12».

Затем пошел снег.

* * *

Веки дрогнули.

Она увидела незнакомое помещение без мебелировки, освещенное тусклым холодным светом.

«Я не могла выжить...» – отчаянная мысль билась в рассудке. Рука невольно коснулась груди. Рана не ощущалась. Лишь фантомная боль выжигала нервы.

Яна с трудом отдышалась, медленно повернула голову, обвела взглядом небольшой полутемный отсек. Подле приоткрытого овального люка в выжидающей позе замер логрианин, только очень странный, с несвойственным для ксеноморфов серым отливом кожи, да и выглядел он повыше, поплотнее своих субтильных собратьев.

Две змееподобные головы, посаженные на длинных гибких шеях, потянулись к ней. Раздалось протяжное шипение.

– Удивлена? – неожиданно прозвучал в рассудке Яны синхронный перевод.

Удивлена – не то слово. Бесконтрольная дрожь окатила ее. Первый, рефлекторный порыв задушить тварь и бежать моментально угас. Мышцы парализовало.

– Советую оставить в прошлом свои агрессивные замашки. – Странного вида логрианин смотрел насмешливо, полностью осознавая свое превосходство, абсолютную власть над пленницей. – Я тебя возродил, – доверительно прошипел он. – Теперь ты принадлежишь мне. Понятно? Любая мысль о неповиновении карается, заметила?

– Переживу... – хрипло выдавила Яна.

– Хочешь узнать предел своей выносливости?

Боль вернулась, вмиг стала нестерпимой. Крупные градины пота выступили на ее лице.

– К сведению: я не логрианин, – неожиданно заявил он. – Хотя состою в родстве с этими ничтожествами.

Она лишь скрипнула зубами.

– Меня зовут Го-Лоит. Я – омни, – с нотками непонятной гордости добавил он. – Генетически улучшенная ветвь известной тебе цивилизации. Итак, ты готова служить мне или предпочтешь умереть во второй раз?

Ситуация отдавала дешевым сценизмом. «Самое простое и наиболее разумное объяснение – я все еще медленно умираю...» – На фоне недоумения и отчаянья плыли зыбкие миражи. Яна представила свое припорошенное снегом тело – уже неподвижное, отданное во власть бредовых, сумеречных видений. «Ну а как еще объяснить паралич мышц, боль, беспомощность и эту серую фигуру? Почему же я не ушла в сущность?» – Мысли бились, как в клетке, не находя ответа.

– Любопытно, любопытно. – Го-Лоит вытянул шею, обдал ее отвратительным, сладковатым запахом дыхания. – Ты тиберианка? Что это значит? Каким образом ты можешь покинуть умирающее тело? Что такое «сущность»? – вопросы окатывали волнами омерзения.

– Не дождешься, тварь...

– Очень хорошо. – Он почему-то остался доволен. – Ты думай, думай. А я послушаю.

Яна тонула в ощущениях боли. Она никогда не отличалась терпимостью в отношении представителей иных цивилизаций, а сейчас все обострилось до предела под воздействием мучительной и совершенно непонятной ей галлюцинации, главную роль в которой играл этот двухголовый глумливый уродец.

Го-Лоит невольно отпрянул, словно обжегся о ее мысли.

Он злобно зашипел, но быстро совладал с собой, снова приблизился, упорно лова измученный, тусклый, недоуменный взгляд девушки.

– О, какая мрачная ксенофобия! Вот, значит, каков жизненный путь тиберианцев? – неподдельно удивился он. – Ты привыкла наступать на горло любому, кто хоть на йоту отличается от человека? Так ты защищала себе подобных? А чужим, кто посмеет приблизиться к вашим территориям, пуля в лоб, без разговоров? – Он вдруг иронично зашипел. – Какая

примитивная, но удобная философия! Однако, – он вновь обдал ее сладковатым зловонием, – теперь я наступил тебе на горло, заметила? Ты ведь признаешь право силы, верно?

Яна молчала. Бред полный, абсолютный.

– Ладно. – Он наконец убрал свои змеиные головы от ее лица. – Ты очень интересный источник информации. Советую осознать свое положение, набраться ума или мужества, мне без разницы, и понять: ваше время закончилось. Я зайду позже. Мы еще поговорим.

Скрипнул, а затем гулко отработал приводом овальный люк.

Лязгнул механизм. Необъяснимая слабость охватила Яну.

Мир вновь истончился, исчез на какое-то время, растворился в серых сумерках.

* * *

Оказавшись одна среди не имеющей границ мглы, она запаниковала.

Тиберианцы отвергали путь мнемоников, да и какой толк от кибернетических расширителей сознания в условиях Первого Мира, где нет техносферы?

Мучительные ощущения постепенно гасли.

Ни боли, ни следов от ран. Лишь эта треклятая мгла вокруг. И полная неопределенность, сводящая с ума. Даже самый стойкий характер способен надломиться, дать трещину, находясь на зыбкой, неопределенной границе между жизнью и смертью.

Яна не привыкла беспомощно выжидать. Если она хотела увидеть труп врага, то никогда не сидела на берегу реки в надежде, что тот рано или поздно проплывет мимо, а шла и брала свое.

Вот и сейчас она не собиралась бездействовать. Благо методики тренировок тиберианцев открывали ей рискованный путь к обретению свободы, предлагали выход из ловушки, не важно, опутана она тенетами смерти или действительно находится в плену у...

Мысль неожиданно оборвалась.

Серия ярких, фрагментированных образов в клочья порвала рассудок, вернула боль, стерла решимость.

Я предала всех, кто мне верил?!

Нет, я не могла! Это просто невозможно! Душа мгновенно сжалась в ледяной комок. «Я не могла... – мысленно твердила она, – не могла так поступить!!!»

Но рассудок упрямо подсказывал иное. Воспоминания становились объемнее, полнее – их уже не перечеркнешь, не разорвешь, не скомкаешь, не выбросишь, как листок исписанной бумаги.

Что же я наделала?! Как это случилось?! Почему?!

Физическая боль – ничто по сравнению с мучительными образами, убивающими изнутри. Они, как сотни отравленных жал, вонзились в сердце, надломили сознание.

Не веришь, что работала на врага? На миг ей показалось, что фигура ксеноморфа выступила из мрака, но тут же исчезла, оставив лишь шипящий въедливый голос: «Да, ты сражалась бок о бок со скелхами, убивая людей».

Пальцы дрожали. Казалось – с них капает кровь. Перед глазами вдруг возникла смазанная, нечеткая картина: контуры скал, врезанная в склон дорога, мертвые скелхи, горящая БПМ, бьющие сверху вниз выстрелы, – там, среди древних логрианских укреплений, держали позиции несколько человек. Они сумели остановить пришельцев на коварном изгибе горного серпантина.

Яна находилась внизу. Покорно брела в составе разномастной колонны пленников. Затем, когда подбитая планетарная машина сорвалась в пропасть, к ней подобрался скелх, указал своей гибкой конечностью на расположенную выше огневую точку, что-то прошипел на непонятном языке, но, как было и в случае с Го-Лоитом, она отчетливо поняла полученный приказ:

– Убей их!

Дальше – серая муть. Мысленные образы потускнели, утратили остроту. Только сейчас, дрожа, чувствуя, что прокусила губу, Яна спросила себя: откуда вообще взялись пришельцы? Что происходило накануне? Каким образом она вместе с несколькими израненными тиберианцами и двумя пленными боевыми мнемониками Конфедерации Солнц оказалась в том заснеженном ущелье, подле лестницы, ведущей к небольшому плато?

* * *

В сумерках ее души внезапно раздался шаркающий звук шагов.

Яна даже не шевельнулась, не подняла взгляд.

Это все игры разума. Я не могла предать свою веру, свои убеждения, думала она, упорно абстрагируясь от бредовых видений.

Время утратило смысл. Она замкнулась в себе, отвергла лживую память, уже не пытаясь понять суть окружившей ее мглы. Кошмарный ли сон, болезнь или смерть – все равно. Лишь бы не предательство.

«Нет. Я все же должна попытаться! – угасшая решимость вспыхнула вновь. – Неведение и бездействие убивают быстрее, чем горькая правда».

Нужна предельная концентрация жизненных сил. Но остались ли они? Она ощущала себя призраком, бесплотным духом, чья израненная душа затерялась среди безликого, не имеющего границ пространства.

Рядом раздалось тихое покашливание.

Она обернулась на звук. Расплывчатый силуэт сгорбленного старика медленно выдавливалось из мглы, формируя черты лица, детали одежды.

– Прошу, не делай этого, – едва слышный голос прозвучал в сознании.

Она присмотрелась.

Бред продолжается? А не пошло бы все к фрайгу?!

Призрак не исчез. Нет, это не старик, – она невольно сконцентрировала внимание. Скорее, мужчина средних лет, доведенный до грани физического и морального истощения.

Почему он выглядит знакомым?

Райбек Дениэл, если не изменяет память? Известный на всю Обитаемую Галактику ксеноархеолог. Кажется, он специализировался на истории древнейших космических цивилизаций, в основном логриан, инсектов, харамминов и дельфинов?

– Верно, – пришел мнемонический ответ.

Очередная галлюцинация? Яна не находила других объяснений. «Он – плод моего воспаленного воображения?» – упрямо подумала она.

– Да, я лишь образ в твоём рассудке. Физически меня тут нет. – Райбек Дениэл почему-то часто и беспокойно оглядывался.

– Зачем явился? – Она попыталась взять себя в руки.

– Предупредить. Предостеречь. Ты помнишь, что произошло?

– Нет. Только последние минуты перед смертью. Я ведь погибла? – Яна невольно затаила дыхание в ожидании ответа.

– Да, – уверенно кивнул он. – Видел тебя. Мертвой. На плато, среди руин, недалеко от входа в логрианский тоннель.

– Тогда почему я оказалась здесь?! Что с остальными? Где мой отец? Это пространство логра? – обожгла внезапная догадка. – Да? Я права? Кто сохранил мою матрицу личности?! Кто?!

– Нет, мы не в логах. – Дениэл заметно нервничал. – Послушай, у нас очень мало времени! Трудно улучшить минуту, когда Го-Лоит отключается от сети. Ты готова поверить мне на слово?

Ее взгляд говорил «нет», но губы шепнули:

– Да...

– Произошло вторжение, – торопливо, сглатывая окончания слов, заговорил Райбек. – Пришельцы называют себя омни. Они похожи на логриан, и этот факт я пока не в состоянии объяснить. Уверен, личности Логриса многое утаивали от нас! Все случившееся – отголосок их древнейшей истории, понимаешь?

Яна подавленно молчала. Какое-то из слов Райбека Дениэла сработало, будто спусковой механизм.

Она внезапно почувствовала обжигающее дыхание недавних событий, словно возведенная в ее рассудке плотина дала трещины, сквозь которые начали просачиваться ручейки воспоминаний...

* * *

Утро.

Сиреневый свет брызнул из-за гор, осветил склоны. Строящийся форпост тиберианцев располагался на холме, у развилки древней логрианской дороги.

Яна проснулась. Умылась ледяной водой, поднялась на наблюдательный пост. Пыльная безжизненная равнина порталов – источник постоянной угрозы вторжения – простиралась до самого горизонта. Повсюду виднелись скрученные в спирали постройки различной высоты и степени разрушений. Вчера там снова видели охотников за логами – группы черных археологов постоянно проникали сюда, используя древнюю внепространственную сеть, но это проблемы боевых мнемоников Конфедерации. Тиберианцы не воюют с людьми. Яна облокотилась о парапет.

Горная страна, в древности превращенная логрианами в сплошной оборонительный рубеж, делила Первый Мир на два полушария, ее общая протяженность составляла одиннадцать тысяч километров. В просторечье границу между равниной порталов и обитаемыми землями называли коротко и точно – Цитадель.

Большинство внешних укреплений разрушило время, но внутри скал сохранился самый сложный инженерный комплекс – горная страна была пронизана тоннелями, связывающими между собой горизонты, залы, пещеры и даже древнейшие из известных городов, расположенные глубоко в недрах, – там логриане проживали до того, как ими была создана биосфера планеты.

Все это принадлежало далекому прошлому. Лишь самые отчаянные из старателей решились углубиться в мрачные заброшенные лабиринты, но мало кто возвращался оттуда.

Мысли промелькнули, истаяли. Яну не интересовали загадки древности. Хватало повседневных забот.

Следующее воспоминание погрузило ее в багряные сумерки.

Неподалеку от холма, среди простоявших тысячелетия спиральных построек, ветвилось похожее на терновый венец, сотканное из ослепительных молний кольцо энергий, соединившее между собой цепь порталов – насколько известно, они считались бездействующими.

Тиберианцы высыпали на стены. Лица самых бывалых, закаленных воинов были бледны. В их взглядах читалось интуитивное предчувствие неотвратимой беды.

И точно: в границах энергетического периметра вдруг появился фантом огромного космического корабля необычной формы и конструкции. Собранный из множества цилиндрических элементов разной длины и диаметров, он стремительно обрел материальность, беспре-

пятственно преодолел вал молний, резко набрал ускорение, поднимаясь в небеса, а вслед за ним уже показался следующий пришелец.

В условиях Первого Мира любой высокотехнологичный объект мгновенно претерпевает глобальный, катастрофический сбой – энергии гиперкосмоса, омывающие планету, беспощадны к технике. Здесь способны работать только примитивные, не оснащенные электроникой механизмы. Единственное исключение составляют логиры. И лишь недавно ученым Конфедерации Солнца удалось разработать уникальный композитный материал, экранирующий губительное воздействие, но его еще не успели широко внедрить.

В этом смысле корабли пришельцев мгновенно продемонстрировали высочайший уровень развития создавшей их цивилизации. Вместо вполне ожидаемого, предсказуемого крушения они совершили серию плавных маневров, а затем один из них внезапно открыл ураганный огонь по укреплениям древней Цитадели.

Зачем?!

Уместный вопрос, ведь логириане, когда-то населявшие Первый Мир, загадочно исчезли в незапамятные времена, а большинство их сооружений обветшали, лишились былого смысла и предназначения.

Так было принято считать, но все изменилось в течение нескольких минут, словно некие загадочные силы внезапно очнулись от тысячелетнего сна, стряхнули прах забвения, отчетливо понимая, кто именно вторгся в охраняемое ими пространство.

Над огромными, частично обрушенными амфитеатрами, расположенными среди руин логирианского города (предположительно это были давно пересохшие водохранилища), вдруг взметнулись плотные облака пыли, раздался нарастающий гул, земля содрогнулась, и вдруг в потемневшие небеса Первого Мира взвились энергетические «плети», свитые из миллионов разрядов, – они пластично изогнулись, пришли во вращательное движение и хлестнули по кораблям пришельцев!

Схватка титанов мгновенно вспыхнула над руинами города.

Древнее оружие, напитанное энергиями гиперсферы, не смогло полностью прожечь корпуса инопланетных кораблей. Вниз, дымясь, сыпались фрагменты срезанных надстроек, спиралевидные здания окропил расплавленный металл. Пришельцы ответили шквальным огнем бортовых лазерных комплексов. В считанные минуты дно циклопических амфитеатров превратилось в озера магмы, но это не принесло решающего превосходства, энергетические плети не угасли, словно мощь взаимоуничтожающих технологий проходила отшлифовку в условиях куда более жестких и разрушительных.

Чужие корабли, получив серьезные повреждения, сломали строй. Один из них, оставляя множественные шлейфы дыма, озарился отсветом от работы планетарных двигателей, попытался набрать высоту, удаляясь в направлении горного массива, но не вытянул маневра. Корабль развернуло в воздухе, ударило о скалы. Его обшивка лопнула, ярчайшая оранжево-белая вспышка озарила предгорья. Взрыв потряс окрестности, разметал тысячи обломков в радиусе сотен километров: они падали, поджигая лес, прорубая в нем просеки, срывали лавины камнепадов, сокрушали здания, и вскоре очертания гор скрылись за плотной завесой дыма и пыли, сквозь которую то и дело прорывались отсветы пожаров.

И снова – черный провал в памяти.

Следующий фрагмент воспоминаний нес чувство обреченности.

Один из чужих кораблей, разворачиваясь над холмом, походя снес укрепления, за секунду убил сотни человек.

Горстка выживших тиберианцев отступила в предгорья. Оставаться на разрушенных позициях не было никакого смысла.

Схватка над равниной порталов тем временем разгоралась, набирая немыслимую мощь. Логрианские системы противокосмической обороны и чужие корабли вели затяжную дуэль, и любой, кто оказался сейчас в зоне столкновения, был обречен.

Они бежали по дымящемуся склону, среди накренившихся деревьев. То и дело на пути попадались обломки чужого корабля. Подле одного из них валялись тела странных существ, отдаленно похожих на людей, облаченных в защитные костюмы из темно-серого материала.

Яна невольно замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась, рассматривая пришельцев, но не смогла разглядеть ни черт их лиц, ни подробностей строения тел. Все скрывали плотные защитные оболочки, очерчивающие лишь общие контуры гуманоидных фигур.

Она не заметила, как змеистое искажение воздуха возникло невдалеке, потянулось к ней, коснулось виска.

Голову внезапно пронзила острая, невыносимая боль, она невольно вскрикнула, и вдруг... медленно обернувшись, Яна вновь взглянула на странное существо, содрогаясь от охватившей ее ненормальной, противоестественной для тиберианки симпатии к чуждой твари.

Несколько секунд внутренней борьбы закончились поражением.

Она медленно подошла к распростертым телам пришельцев, уже ничего не замечая вокруг, слыша лишь тихий голос, бьющийся в рассудке, искаженный, чужой, но требовательный:

– Помоги!..

* * *

– Тихо, девочка, тихо... – Райбек подошел ближе.

Яну трясло. Плотину, сдерживающую воспоминания, прорвало окончательно. Теперь уже не оставалось сомнений – трое суток она находилась под контролем пришельцев, выполняла для них грязную и кровавую работу.

– Вспомнила?

Она с усилием кивнула.

– Как чужие это делают?

– Что именно? – Дениэл присел рядом, сгорбился. Видно, ему тоже пришлось несладко.

– Контроль над рассудком. – Яна чувствовала, ее мир рассыпается в прах.

– Модули технологической телепатии, – уверенно ответил Райбек. – Если быть точным – колонии нанитов, внедренных в мозг. Технология лежит выше моего понимания. Модули, кстати, связаны в сеть, ни на минуту не забывай об этом, ладно? Вот только на людях наниты почему-то дают сбой, – торопливо продолжал археолог. – Два-три дня – и наш рассудок перестает подчиняться командам. Поэтому вы и вырвались из-под контроля.

– Зачем он меня возродил? – Яна выслушала Райбека, находясь в плену мрачного, безысходного состояния.

– Омни не способны сканировать человеческую память в полном объеме. Только мысли, лежащие на поверхности.

– Откуда тебе знать?!

– Я уже три недели в плену. Мои импланты, – он машинально коснулся рукой всклокоченных волос, пригладил их, – весьма специфичны. В них установлены археологические модули с защитой от кибрайкеров.

– Омни не могут взять тебя под контроль?

– Пока что у Го-Лоита ничего не выходит. Поэтому он воздействует на меня грубо, физически. Не знаю, долго ли еще продержусь.

– Где мы находимся?

– Каждый в своем теле, в разных отсеках их корабля, вернее, его обломка, – невесело усмехнулся Райбек. – Го-Лоит нарочно не блокирует связь между рассудками. Ему только на руку – может читать наши помыслы.

– Зачем ему мои мысли?

– Омни оказались в ловушке. Мы тоже. Их корабли сбиты логрианскими системами. С нашей стороны задействован режим Изоляции. Понимаешь, о чем я?

Яна кивнула. Никто не покинет систему Ожерелье и не сможет проникнуть сюда. Она слышала, что эту технологию предложили логриане. На случай внезапного вторжения. Значит, знали? Предполагали, что такое случится? Или просто перестраховывались?

«Хотя какое мне дело? – мрачно подумала девушка. – Надо выбираться из этого треклятого сумрака. Уйти в сущность, иного выхода нет!»

– Нет, прошу, не спеши! – Райбек действительно слышал ее мысли. – Омни только этого и ждут! Наниты, вживленные разным существам, сейчас их единственный источник информации о Первом Море. Захочешь бежать, и они не станут тебе препятствовать. Вырвешься в виде сущности, и Го-Лоит, наблюдая, сможет понять суть явления, воспользоваться методиками тиберианцев в своих целях. Не подыгрывай ему, ладно?

– Но что же мне делать?! – Она откровенно растерялась. Сложно контролировать себя, если нет такой привычки. Действие – вот ее кредо. Затаиться, как мышка, внимая бестелесным голосам, вплетающимся в мысли, даже не зная наверняка бред это или явь?!

– Да, понимаю, ты не мнемоник. – Дениэл внезапно вздрогнул, зачем-то оглянулся по сторонам. – Кажется, Го-Лоит включается в сеть, – обеспокоенно произнес он. – Не верь никому. Скрывай мысли. Контролируй себя. Он ждет отчаянных, спонтанных действий. Для него наши порывы – единственный надежный источник информации! – повторил Райбек.

Его призрачная фигура начала таять и через миг слилась с серой мглой.

* * *

Человеческая душа.

Ад и рай смешаны в ней слоистым коктейлем. Наши порывы и помыслы то искрятся на свету, то мрачнеют, напиваясь пепельным багрянцем. Нет в мире человека, неспособного к чистой и светлой любви, как нет человека, неспособного к убийству.

Мы – не добро, но и не зло. В каждом из нас таятся крайности, однако жизнь проходит узкой тропой между ними, часто выражается в поступках незначительных, которые легко простить или не заметить, но суть ведь не в масштабе деяния, верно?

Послать произнесенное от души проклятье в адрес подрезавшего тебя водителя, а в следующий миг ответить на звонок, коснуться сенсора мобильного, оттаять, тепло ответить: «Да, любимая?» – кто из нас не проходил через это?

На самом деле мы не лицемерим. Добро и зло постоянно смешиваются полутонами, растворяются друг в друге, формируют пограничные пространства, обнесенные частотолами условностей, правил, этических норм, личных убеждений.

Извилистый путь между Голгофой и Пропастью – вот наша суть. Мы лишь иногда оглядываемся на пройденное, реже – смотрим внутрь себя, но помним и видим лишь избранное.

Однако жизнь любого из нас способна измениться за двадцать четыре часа, а иногда еще быстрее.

Что, если рухнул частокол условностей, пали оковы привычного мировоззрения, гору смыло, а ее обломками завалило багряную пропасть? Вокруг простирается лишь бескрайняя пустошь, и ты один, свободный и одинокий, как никогда прежде?

* * *

Яна открыла глаза.

В противоположном углу отсека изломанной тенью застыл амгах.

Игра в одни ворота неожиданно закончилась. Вживленный ей модуль технологической телепатии уравнивал шансы. Чуждое устройство, подтверждая слова Райбека Дениэла, даже при незначительном мнемоническом усилии позволило пройти сквозь облик телесной оболочки, увязнуть в мыслях амгаха, среди которых отчетливо читался взгляд со стороны: она увидела себя, скорчившуюся у стены тесного полутемного отсека. Жалкое, полное ненависти, но уже ни на что не способное двуногое существо.

Комок нервов, пропитанный злобой.

Омни сейчас, должно быть, млеет от ощущения одержанной победы. Еще бы. Он – паук, притаившийся в центре ментальной сети, свихнувшийся исследователь, падкий до острых эмоций и технологических секретов...

«Как бы там ни было, его устроит любой вариант, – подумала Яна. – Вцепимся мы в глотку друг другу, попытаемся договориться или, скрипя зубами, так и останемся каждый в своем углу, Го-Лоит получит искомое. Он специально стравливает нас, до предела обостряя застарелую неприязнь, взламывая защиту рассудка, чтобы копаться в обнажившихся мыслях, сортируя их, выуживая из омута ненависти обрывочную, но нужную, полезную для него информацию».

Она закрыла глаза, откинула голову, коснулась затылком шероховатой стены. Проклятые фантомные ощущения! Они не отпускали. Боль концентрировалась в том месте, где пуля разорвала плоть, перечеркнула жизнь.

«Нравятся мои ощущения? – мысленно обратилась она к омни. – Хочешь узнать меня поближе?»

Багряные сумерки ее души.

Яна родилась здесь, в Первом Мире. Росла, как трава в поле. Босоногой счастливой девчонкой, смышленной, смешливой, внимательной к окружающему.

Когда же ненависть въелась в ее душу, исковеркала мысли, по сути – сломала жизнь?

Виной всему логриане. Вернее, их технологическое наследие. Каждые двенадцать лет планеты Ожерелья на несколько дней синхронно меняют наклон оси. Происходит Смещение, в период которого срабатывают древние устройства внепространственной транспортировки, связывая Первый Мир с сотнями тысяч иных звездных систем, разбросанных по всей Галактике.

Первая в жизни Яны подвижка планет прошла в бессознательном для девочки возрасте, оставив ее сиротой. Следующее Смещение перечеркнуло детство, убило юность – обычная история для человека, родившегося тут.

Влюбиться в тринадцатилетнем возрасте – что может быть прекраснее, чище, больнее?

Ломкая душа девочки трепетала от первого чувства. Антон – сильный, работающий, добрый, вдруг превратился из обычного соседского парня в ее сокровенную, чистую, будто слеза, мечту.

Яна не понимала, что с ней происходит. Почему все остальное вдруг стало блеклым, незначительным? Теплыми летними вечерами, когда в предзакатном небе на фоне окутывающей горы сиреневой дымки парил одинокий амгах, в хрупком мире ее наивных грез пробился к свету росток любви, женственности, неосознанных, пугающих желаний.

Ей хотелось смеяться и плакать. Бежать навстречу прохладному ветру, подставляя ему пылающее от смущения лицо. Образ Антона плавился в мыслях, и сердце обмирало, едва не останавливалось в такие минуты.

Ее мечты молчаливо хранил растущий в предгорьях хвойный лес. Он, и только он, знал тайну Яны, высушивал слезы счастья на ее щеках, внимал спутанным мыслям.

Жизнь была прекрасна. Она манила, обещая все самое чистое, светлое, что только могло пригрезиться тринадцатилетней девочке, вступившей в пору первой любви, с которой приходит юность.

Она не успела. Ни в чем не призналась Антону. Не узнала вкуса любви, не удержала счастье в ладошках.

В тот день небо внезапно нахмурилось. Воздух как будто заledenел. Ударил сокрушительный раскат грома, и земля вдруг вырвалась из-под ног. Яна упала, крича от страха. Стволы вековых деревьев трещали. Градом сыпались шишки и хвоя. Подламывались ветви. Звери, вмиг обезумев, неслись прочь, не разбирая дороги. Солнце, сиявшее еще достаточно высоко, вдруг стремительно ушло на закат и погасло за горизонтом.

Мир поглотила тьма.

Бледная, испуганная, едва ли понимая, что происходит, Яна бегом кинулась назад, по заветным тропкам, на опушку, и дальше, через поля с полегшей пшеницей, к поселку, над которым виднелось зарево пожаров и черными столбами поднимался дым.

О чужих она в ту пору знала немного. Амгахов, часто появляющихся в небе поодиночке и стаями, воспринимала как существ, присущих дикой природе, ну пару раз видела мурглов – настоящих великанов, которые иногда проходили мимо по пыльной дороге. Конечно, из разговоров она знала, что к югу от горного хребта среди руин древних городов обитают и другие дикие твари, но никогда с ними не встречалась.

Земли людей, простирающиеся к северу от хребта, считались безопасными территориями. Все перевалы и древние дороги охраняли регулярные войска адмирала Тиберия, их называли тиберианцами или храмовниками – кто как привык.

Яна бежала, спотыкаясь, падая, шарахаясь в стороны, ведь навстречу неслись обезумевшие звери, начиная от диких обитателей лесов и заканчивая домашними животными, сорвавшимися с привязей.

Ей было очень страшно... но настоящий ужас ждал впереди, среди охваченных пламенем пожаров, частично обрушившихся в момент гравитационного удара домов.

На беду, в окрестностях поселка располагалось несколько древних логрианских сооружений. Поговаривали, что это устройства «внепространственной транспортировки», но неисправные, однако, на этот раз они сработали, выплеснув на улицы небольшого поселка орду отвратительных существ.

Первое разорванное, окровавленное человеческое тело она увидела на окраине.

Кузнец до последнего отбивался от наседавших на него тварей. С десятков уродливых карликов валялись в лужах фиолетовой крови, а могучий и добродушный Макар Иванович – его все называли только по имени отчеству – лежал на обочине, весь в крови и пыли.

Среди пылающих домов метались зловещие тени.

Яна не вынесла жуткого зрелища. Внутри что-то оборвалось, заledenело, мир внезапно крутанулся перед глазами и погас.

...Когда она очнулась, пожары уже догорали. Липкая тьма подступила к поселку со всех сторон.

Не помня себя от горя, зажимая рот побелевшими дрожащими пальцами, она брела по улице среди мертвых, растерзанных тел.

Тлели уголья. Прогорклый дым стлался у самой земли. Ветер налетал ураганными порывами, словно силился снова взметнуть пожарища. Искры и пепел вихрились в ночи, где-то раздавались крики, в отдалении не прекращалась канонада, сверкали зарницы, а потом вдруг все стихло и внезапно хлынул проливной дождь.

Рассудок девочки помутился.

Она брела куда глаза глядят, не разбирая дороги. Ее душа оцепенела. В сумерках часто появлялись силуэты различных уродливых, не похожих на людей существ.

Она продрогла, но не чувствовала холода. Потом вдруг повалил снег. Он кружился, скрывая мир за мглой непогоды.

Яна присела на обочине раскисшей дороги, уже не в силах идти. Кто-то угрожающе рычал вдалеке, но она не обращала внимания на звук, пока тот не стал совсем близким, басовитым, явственным.

Два огненных глаза слепили ее. Чьи-то торопливые шаги расплескивали снежную кашу.
– Казимир! – раздался возглас. – Тут девчонка!

Вновь взревел двигатель, в свете фар промелькнула кряжистая фигура, затем кто-то бережно поднял ее, прижал к груди, шепча:

– Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.

* * *

Хорошо уже не стало. Никогда. Жизнь поблекла, выпвела. Выжило тело, но не душа. Рассудок со временем пришел в норму, она перестала дичиться людей, прижилась среди храмовников. Казимир – так звали старшего из тиберианцев – заботился о ней, словно о дочери.

Яна никогда не спрашивала его почему. Просто приняла суровое, скупое отеческое отношение к себе и постаралась отплатить если не дочерними чувствами, то послушанием.

Казимир обучил ее всему, что положено знать настоящему бойцу. Эту науку она освоила быстро, с удивительной для девушки легкостью, словно от рождения была предназначена служить смерти.

Чужих она ненавидела люто и слепо. Убивала не задумываясь, холодно, жестоко, и лишь немного повзрослев, начав постигать потаенную сторону боевого искусства тиберианцев, научилась сдерживать себя, не плодить понапрасну сущности.

Воспоминания о своей первой и единственной любви она спрятала так глубоко и надежно, что сама начала забывать о них. Антона не искала, не надеялась встретить, хотя не знала наверняка, выжил он в той бойне или нет.

* * *

«Семантика. Будь она проклята», – думал Го-Лоит, внимая мысленным образам Яны.

Среди людей ходит поговорка: «Чужая душа – потемки». Омни понимал ее смысл, но случай ему попался крайне тяжелый. Возрожденная женщина, вне сомнения, обладала необходимыми знаниями и навыками, но управлять ею при помощи простых, безотказных приемов никак не удавалось.

Яна опиралась на ненависть, как на столп своей души. Она умела принимать боль и всегда возвращала ее сторицей.

«Нет, она не станет убивать амгаха назло мне, – удрученно размышлял Го-Лоит. – Не проявит к нему жалости. Не допустит неосторожных мыслей, а будет пичкать меня пережитой болью, медленно сводить с ума, тратить мое драгоценное время!»

Выходит, строптивая тиберианка не годится в качестве источника информации? Мне начинать все заново? Но большинство людей, попавших в плен, обычные крестьяне и ремесленники! Они не знают ничего полезного!

Задача не из легких. Но тем увлекательнее ее решить!

Как мне поработить эту женщину? При помощи каких рычагов воздействовать на нее, заставить раскрыть свой разум?»

Омни привык манипулировать наиболее мощными, древними инстинктами, выработанными в процессе эволюции, присущими каждой из встреченных когда-либо космических рас. Обычно они работали безотказно, даже если подопытные существа считали себя духовно развитыми. Но инстинкты дремлют в каждом, нужно лишь создать ситуацию, которая востребует их в полной мере.

Он так и поступал. Страх смерти, желание жить, наслаждение или боль – в различных сочетаниях эти методы воздействия всегда вели к желаемому результату, но Яна – особый случай. Она не боится смерти, скорее желает ее. Умеет вытерпеть боль. В борьбе предпочитает бескомпромиссные решения. Его словно насквозь видит. И не станет подыгрывать.

Он снова и снова просматривал мысленные образы, полученные из рассудка тиберианки.
«Мне нужно ее сломать, а затем заставить служить!»

Но как, если ей ничего не дорого, ни собственная жизнь, ни тем более чужая. Казимира сейчас привлекать нельзя, он занят решением важной для меня проблемы, сам не понимая, что работает на врага.

А если? – Шеи сплелись, головы Го-Лоита взглянули одна на другую, одобрительно зашипели. – А если вернуть ей любовь?!»

Опасное чувство. Непонятное. Оно сложнее, чем природный инстинкт продолжения рода. Любовь присуща людям, он сталкивался с этим загадочным явлением уже не в первый раз, но так и не смог понять его силы и смысла.

Но это хороший рычаг воздействия, если верить воспоминаниям Яны! Она обязательно утратит контроль над собой, и тогда проникнуть в потаенные уголки ее рассудка уже не составит труда!

Го-Лоит некоторое время сомневался, спорил с собой, а затем все же отдал приказ:

– Пленницу – в камеру перерождения! Мне доставить кластеры с генетическими образцами!

Он знал, кто подойдет для опасного эксперимента.

Получив необходимые данные, Го-Лоит тщательно изучил их, испытывая необычайный душевный подъем. В его рассудке зародился хитроумный план, разгадать который людям просто не под силу. Да, он принял окончательное решение, выделил один из имевшихся в его распоряжении генетических образцов, добавил к нему незначительные изменения облика и остался доволен полученным результатом.

«Теперь они, несомненно, почувствуют тягу друг к другу! Я буду обладать мыслями обоих, и если сыграю тонко, то...» – Он издал протяжное, переливчатое шипение, представляя открывающиеся перспективы.

* * *

Близился рассвет.

В сумерках облака выглядели необычно, снизу тучи подкрашивало ало-оранжевым, словно они несли не дождь, а тлеющие угли.

Кратер, где велись раскопки, напоминал громадный амфитеатр. Семь кольцевых уступов соединялись идущими по периметру выработки дорогами. Повсюду горели костры, виднелись временные жилища, десятки тысяч существ, согнанных сюда по приказу Го-Лоита, трудились круглые сутки, бригады сменялись на периоды короткого отдыха, работы не прекращались ни на минуту, хотя привычные атрибуты подневольного труда практически отсутствовали. Не слышалось окриков надсмотрщиков, ударов плетей, да и попробуй стегануть мургла или норла – разmozжат одним ударом, размажут по обсидиановым, похожим на вулканическое стекло глыбам.

Существа различных цивилизаций работали дружно и монотонно, не вступали ни в драки, ни в разговоры, взаимодействовали молча, без обычной вражды.

Среди пестрого сборища выделялись скелхи. Они выполняли самую ответственную часть работ: сканировали дно раскопа, помечали участки, где удавалось обнаружить логры, затем следовали односложные предупреждающие окрики, и вскоре дно кратера покрывалось сеткой раскаленных линий, вихрился дым, в его клубах лучи инфракрасных лазеров становились видны невооруженным глазом.

Разрезав очередной участок на квадраты, скелхи переходили к следующему, а среди дымов и багряных отсветов тут же появлялись норлы. При помощи кувалд и клиньев они с огромным трудом отделяли первый куб, дальше работа шла быстрее. Мурглы оттащивали добытую породу на специально отведенную площадку, дробили на осколки. Те, что содержали впаянные логры, складывали в объемистые корзины. Прилетал амгах с надетой на него упряжью, корзину цепляли крюком, и звероящер взлетал, транспортируя драгоценный груз к одному из омнианских кораблей, где полным ходом шли восстановительные работы.

Пустую породу мурглы, сгибаясь под тяжестью груза, тащили вверх по спиральному серпантину, выбрасывали за пределами кратера, где уже возвышались черно-серые горы отвалов, а затем возвращались за следующей партией.

Кроме исконных обитателей этого региона Первого Мира, на раскопках трудились и другие существа. Аурбалы – коренастые карлики, числом около тысячи, были заняты на вспомогательных работах: строили временные жилища, обтягивая жердяные каркасы шкурами животных, поддерживали огонь, готовили пищу, эмглы – гориллоподобные создания – ворочали небольшие обломки, кололи их в щебень. Изредка раздавался гортанный возглас, означавший очередную находку, и тогда скелхи, наблюдавшие за процессом, тут же отбирали найденный логр.

Вне границ кратера, вдоль дорог, ведущих к отвалам, располагались куполообразные пульсирующие сооружения из плоти. Подле них сновали насекомоподобные существа, лишь отдаленно напоминающие инсектов. Они выглядели крупнее и выше, имели иное строение хитинового панциря – их природная броня отливала темно-оливковым, массивные черепа, удлинённые к затылку, глянцево поблескивали.

Каждая особь демонстрировала нехарактерную для коллективного разума самостоятельность. Они часто останавливались, обмениваясь друг с другом короткими фразами на непонятном языке. Куполообразные постройки никем не охранялись, между ними и раскопом постоянно курсировали караваны карликов. Заходя внутрь, аурбалы при помощи примитивных каменных ножей срезали наросты кровоточащей плоти, складывали их в мешки и корзины, затем отправлялись в обратный путь, готовить пищу для рабочих.

Так продолжалось день за днем. Раскоп постепенно углублялся, его площадь уменьшалась, логры, вплавленные в породу, попадались все чаще, иногда целыми скоплениями.

* * *

В третий раз Яна очнулась перед рассветом.

Мягкие сиреневые сумерки царили за откинутым пологом примитивной, сооруженной из жердей и шкур хижины. Воняло горелым мясом, неумело приготовленным на открытом огне. Извне доносились знакомые ритмичные стоны – такие звуки обычно издавали мурглы.

Она села, настороженно осматриваясь.

«Какую еще пакость задумал Го-Лоит?» – Девушка встала. Руки и ноги не скованы. Уже хорошо, хотя мнимая свобода наверняка является частью плана змееголовой твари, – травматические воспоминания вмиг окатили дрожью, но тут же схлынули, их заглушила тревога.

Физически Яна чувствовала себя вполне здоровой, бодрой, отдохнувшей, а вот о внутреннем состоянии такого не скажешь.

Одежда сидела мешковато. Кожаная шнуровка затянута неплотно, неумело. Высокие сапоги из мягкой шкуры игуна надеты на босу ногу.

Яна брезгливо передернула плечами, села на край грубой лежанки, застеленной шкурами, задумалась, машинально поправляя и затягивая шнуровку.

Что бы ни затеял омни, какие бы датчики он мне ни имплантировал (иного объяснения очередному провалу в памяти Яна не находила), он зря потратил время.

Обыскав убогое жилище, она нашла кусок ткани, разорвала его надвое, переобулась, чтобы не стереть ноги в кровь, затем вышла наружу.

Огромный, затянутый дымами раскоп открылся ее взгляду. Ну, понятно. Здесь располагалась одна из логрианских систем планетарной обороны. Миллионы кристаллов образовывали компонент древнего оружия, напитанного энергиями гиперкосмоса.

Результат боя очевиден – расплавившееся дно кратера провалилось в глубины бункерных зон, превратив уникальное оружие в спекшуюся кристаллическую массу.

Яна сглотнула. Хотелось пить. Память о тех страшных днях постоянно жгла изнутри.

Пока она осматривалась, напряженно размышляя над сложившейся ситуацией, к ней подошел скелх.

Омерзительная тварь, ростом с человека. Тело, руки и ноги гибкие, словно в них нет костей. Голова небольшая, лицо узкое, вытянутое. Миндалевидные глаза, расплюснутый нос, тонкие, сжатые в прямую линию губы. Его огромные зрачки казались бездонно-черными, влекущими. Кожистые складки дряблых век постоянно подрагивали.

Яна спокойно выдержала его взгляд в ожидании, когда же имплантированный ей модуль технологической телепатии взорвется болью.

Боль не пришла. Возникло отвратительное ощущение липкого тепла, будто ее лизнул огромный слюнявый язык.

«Иди за мной. Ты будешь сортировать найденные кристаллы. Поврежденные в одну корзину, целые в другую».

Яна безропотно кивнула, хотя внутри все клокотало от желания схватить острый обломок стекловидной массы и раскроить череп ненавистной твари.

«Нет. Глупо и бездарно я не погибну. И наплевать, что омни читает наиболее яркие мысли. Слышишь меня? – мысленно обратилась к нему девушка. – Я на своей земле!»

Ей никто не ответил.

* * *

До заката она сортировала найденные логры.

Омни мог сколько угодно наблюдать за ней, пытаться прочесть мысли, угадать намерения. Она задавила эмоции и работала монотонно, угрюмо. В принципе логика захватчиков понятна. Го-Лоит в тупике и сейчас отчаянно ищет выход из положения. Он осведомлен об уникальных функциях логров и о множестве устройств широчайшего спектра применения, которые можно создать, составляя правильные последовательности из кристаллов.

«Люди, по его мнению, самая развитая из рас, населяющих Первый Мир. Значит, Го-Лоит полагает, что мы разгадали часть древнейшего наследия, знаем хотя бы некоторые из последовательностей логр-компонентов?»

Что ж. В логике ему не откажешь...

Он ждет, что я не выдержу, воспользуюсь случаем, соберу из кристаллов устройство, которое станет оружием, средством к побегу или блокиратором вживленного мне модуля технологической телепатии?

Резонно. Но омни ведь так похож на логрианина! Неужели он сам не знает, как составлять последовательности? Здесь что-то не так...»

Яна приспособливалась. Она старалась заглушить важные мысли другими образами, действуя в непривычной для себя манере. Удавалось не очень-то хорошо. Когда на протяжении многих лет твои оценки и намерения не расходятся с делом, за пару дней не научишься лицемерить. Но что делать, если ей противостоит не сила, а хитрость и изворотливость?

Держать себя в руках. Учиться, как бы скверно ни было на душе.

На некоторое время помогли зрительные образы. Глядя на чужих, которых вокруг – сонмища, Яна привычно замыкалась в скорлупе враждебности, и омни (если он слушал) вновь получал лишь ранящие, болезненные эмоции.

Сортировке логов она внимания не уделяла. Горка кристаллов не уменьшалась, она бесознательно катала один из них между пальцами, поглядывая по сторонам.

Моральное одиночество ощущалось все острее, и омни с их пирровой победой тут вовсе ни при чем.

Яна привыкла смотреть на чужих через призму прицела. Ей редко удавалось наблюдать за ними, а желания анализировать поведение не возникало вовсе, но сегодня все складывалось фатально.

Вот мурглы, обессилев от тяжелой работы, остановились передохнуть, сгрудились, доверчиво потянулись друг к другу, потерлись носами, шумно вздыхая. Два амгаха, в ожидании очередной партии груза, расправили широкие кожистые крылья, уселись на гряде обломков, пощелкивая зубастыми клювами, затем самец принялся вылизывать шерстку подруги, и это вдруг задело Яну, причинило ей боль. Даже свирепые норлы в перерывах между монотонными надрывными усилиями обменивались дружескими тычками, подбадривая ослабевших, а зачастую – оттесняя их, позволяя перевести дыхание.

Взгляд собирал мозаику из деталей происходящего, а внутри росла пустота.

Еще никогда моральное одиночество не ощущалось ею так остро. Пару раз в отдалении она замечала людей, непроизвольно тянулась к ним, используя скромный опыт обращения со вживленным устройством технологической телепатии, но те лишь хмуро отворачивались или зло поглядывали вокруг, не понимая, что за тварь пытается влезть в их мысли.

Один все же заметил Яну, пару секунд сверлил ее хмурым взглядом, затем почему-то сплюнул, вновь принимаясь за работу.

Мимолетные наблюдения ранили. Колющий логр катался между подушечками пальцев, в душе росло неодолимое желание покориться судьбе, уплыть по течению обстоятельств: собрать силы, накинуться на ближайшего скелха, вырвать у него оружие и подороже продать свою жизнь.

Она задавила это чувство. Омни дал ей второй шанс. Глупо его упускать, разменяв на пару-тройку безропотных клонов, которых двухголовый гаденыш наштампует еще.

Яна швырнула логр в корзину, даже не взглянув, дефектен ли он, взяла другой, снова принялась машинально катать бесценный кристалл между пальцами.

* * *

К закату сгустились облака, начал накрапывать дождь.

Яна продрогла. Подкравшийся вечер не обещал перемен к лучшему, а вскоре работу бесчисленных бригад остановил единый образ, транслированный через вживленные рабам устройства.

Она встала, отыскивала взглядом убогое жилище. Помнится, внутри сложен очаг и припасено немного дров. Ей хотелось согреться, стряхнуть с себя нервный озноб. Скелхи почему-то не уделяли ей никакого внимания, что лишь укрепляло подозрения.

Как частенько говорил Казимир: «Пользуйся случаем. Наблюдай за врагом. Ищи уязвимые места, если не можешь ударить сразу, наверняка».

Мысли о приемном отце лишь разбредили душу. Жив ли он?

Поднимаясь по вырубленной в склоне дороге, Яна оказалась в тесном окружении норлов, но те устало брели к своему бивуаку, не обращая внимания на человека.

Она тоже сдержалась.

К ее удивлению, в небольшой хижине, собранной из обтянутых шкурами жердей, никого не оказалось. Очередная привилегия? Она криво усмехнулась, отыскала, чем развести огонь, мельком взглянула на кусок сомнительного мяса, принесенный в ее отсутствие, но мысль о такой еде вызвала лишь отвращение.

«Надо же, – Яна заметила котелок, – и о посуде позаботились?»

Она выставила его под дождь. Без еды какое-то время можно обойтись, а вот без воды никак.

Огонь в очаге занялся сразу. Темнело медленно, нехотя. Невзирая на непогоду, в разрывах гонимых ветром туч то и дело проглядывали сиренево-бледные лики планет Ожерелья. Их сбегаящая к горизонту дуга стала последним, что запомнила Яна перед смертью.

Она отвернулась, присела у очага. Глядя в огонь, грела озябшие руки, размышляла над сложившейся ситуацией.

Нет, технологией логров омни определенно не владеют. У кристаллов множество сфер применения. Не нужны десятки тысяч существ, разбивающих остекленевшую породу, если ты властен над древнейшими устройствами.

Открытым оставался вопрос: что ей делать в сложившейся ситуации? Долбить камень? Сортировать логры? Пытаться бежать?

Языки пламени освещали ее осунувшееся лицо. Моральное одиночество становилось все острее. Раньше она никогда не задумывалась над подобными пустяками. Мир четко разделялся на своих и чужих. Это было удобно, но справедливо ли?

«Ну, а что изменилось? – ожесточенно спросил внутренний голос. – Ты дала слабину, растерялась. Действуй, как привыкла, не доверяй никому, рассчитывай только на себя. Что может быть проще? Завладей оружием или просто беги – схронов в горах предостаточно. Там найдешь все необходимое. Создай сущность, пусть заблокирует вживленную колонию нанитов. Сожги к фрайгу чужеродный модуль технологической телепатии, пусть даже это будет стоить тебе части воспоминаний, фрагмента личности!»

Яна спохватилась. Всплеск эмоционально окрашенных мыслей может стать достоянием Го-Лоита. Этого он и добивается.

Тяжелые думы не добавляли душевного равновесия. Среди пленных людей она не заметила ни одного тиберианца. Не на кого положиться.

«А просто умереть в бою?» – язвительно осведомилось подсознание.

«Уже не выход», – машинально подумала Яна.

«Ты боишься?» – презрительно фыркнул голос.

Она ничего не ответила. Сложно подобрать правильное определение мучительному состоянию. Слишком часто за последние дни она видела себя как бы со стороны – сидящую у заиндевелой стены, мертвую, неподвижную, окоченевшую. И тем острее воспринималось настоящее: она ощущала тепло, исходящее от очага, а вдоль спины мурашками крался ледяной озноб воспоминаний.

Еще одни оковы? Теперь уже моральные?

Яна устала от бессмысленного внутреннего спора. Надо умыться. Пытаясь отвлечься от мрачных размышлений, она склонилась над котелком с дождевой водой, увидела свое отражение.

А я ли это?! Отчаянные эмоции переполнили вмиг, грозя выплеснуться за грань разумного, за рамки пошатнувшегося самоконтроля.

Неуловимо изменились черты лица. Или это поверхность воды и отсветы пламени искажают облик?!

Ей было страшно, горько и одиноко.

Жестокий опыт прожитого никуда не годился. «Что со мной сделал омни?!» Яна невольно коснулась отражения, и по воде побежали круги, стирая увиденный облик.

«Нет. Так не пойдет!» – Она решительно встала, вышла наружу. Дождь уже прекратился, погода после неурочного Смещения стояла изменчивая, капризная.

В небе сияли планеты Ожерелья. Облака угнал ветер, лужи подернуло хрупким и тонким льдом.

Яна запрокинула голову, заставила себя посмотреть вверх. Оковы нужно разорвать, не важно, из чего они сделаны. Неточное генетическое копирование? Наплевать. Ее губы беззвучно шевелились, в глазах отражалось бездонное черное небо. Я – это я. Душа, мысли, рассудок, память остались прежними!

* * *

Она долго стояла, глядя в небо.

Пустота и одиночество никуда не исчезли. «Выходит, они прижились навсегда? Или мне просто нечем заполнить моральный вакуум?»

Внутренний спор вызывал раздражение. Самоанализ никогда не являлся ее сильным качеством, да и прежняя жизнь не предполагала долгих раздумий.

Теперь же пустота затопила весь мир, казалась неодолимой. На душе было тяжело, вязко. Моральное самоистязание вело в тупик.

Заслышав шум, она взглянула по сторонам.

Повсюду горели костры. Пламя отбрасывало удлиненные изменчивые тени, фигуры чужих существ окружали ее, замыкали в жуткий хоровод далеко не светлых эмоций.

Метрах в тридцати от ее временного жилища, в границах расположенного ниже уступа, внезапно вспыхнула непонятная борьба. Яна присмотрелась. Трое существ, отдаленно похожих на насекомых, куда-то тащили изрядно избитого человека. Гревшиеся у костра норлы посторонились, уступая дорогу, провожая странных тварей глухим рычанием.

«Куда они его тащат?!» – В сиротливых и зябких мыслях вдруг промелькнула непривычная нотка сострадания.

Как ни горько это прозвучит, но к людям Яна относилась с еще большей настороженностью, чем к инопланетным существам. В жизни она доверяла лишь нескольким прошедшим с ней через огонь и воду тиберианцам, к остальным же испытывала в лучшем случае равнодушие.

Неподалеку возвышались строительные леса, прикрепленные к стене кратера. На фоне ночного неба выделялся контур примитивной лебедки, с помощью которой наверх поднимали грузы.

Она промедлила лишь пару секунд, затем ловко скользнула вниз, едва прикасаясь к скрепленным веревками частям шаткой деревянной конструкции.

Насекомоподобные существа уже вышли из освещенного костром круга, скрылись из вида за пологом тьмы, но Яна мгновенно сориентировалась по издаваемым ими царапающим звукам и, не удостоив норлов взглядом, метнулась вслед.

Зачем? Она не искала ответа. Просто вдруг до ноющей боли в груди захотелось взглянуть в человеческое лицо, кем бы ни оказался избитый пленник, пусть испуганным крестьянином, охотником за лограми, черным археологом из внешних миров или...

Во тьме вдруг раздался приглушенный удар, словно врезали кулаком в хитин, скрежет мгновенно стал отчетливее, а еще она услышала частое, надорванное дыхание человека.

До следующего костра еще метров двадцать. Подле него плотным кругом – мурглы. Их массивные фигуры заслоняют свет, а на небольшой площадке, где составлены пустые корзины, темнеют свернутые в бухты веревки, горками набросаны клинья, к стенам прислонены кирки и огромные кувалды.

Трое насекомых нагнали вырвавшегося из их рук человека и молча, с усердием избивали его.

Он упал, но тут же попытался встать.

Хитин скрежетнул по камню, резкий удар пришелся в голову, человека опрокинуло на спину, он судорожно выгнулся, хрипя.

«Убьют!» – Она успела заметить острые выросты на руке насекомого, расположенные от запястья до локтя, и поняла – сейчас будет нанесен роковой удар.

– Обернись!

Все трое синхронно отреагировали на звук. В тусклом свете планет Ожерелья Яна успела рассмотреть тварей, окончательно убедиться – это не инсекты. Их белесые, сегментированные растущими внахлест пластинами брюшки часто пульсировали, чуть выше располагались прочные природные нагрудники, лица были похожи на застывшие маски, вытянутые к затылку черепа глянцевито поблескивали.

Она никогда не сталкивалась с подобными существами, но, впитав их облик, мгновенно определила как смертельно опасных противников, рывком ушла в сторону, и вовремя: хитин на их груди раздался в стороны, обнажая влажно поблескивающие мышечные трубки, раздался сиплый выдох, и острые иглы, источающие резкий запах токсина, разметали корзины, с глухим треском впились в смотанные канаты, вибрируя, вонзились в деревянные детали огромной лебедки.

Избитый до полусмерти человек собрал остаток сил, привстал, его рука нашарила в темноте небольшой, но острый обломок камня.

Бросок вышел слабым, раздался приглушенный стук, но этого оказалось достаточно, твари отвлеклись, сочтя, что с Яной покончено.

Они лишь пару секунд пребывали в заблуждении. Сбоку метнулась гибкая тень, раздался хруст, голову крайнего из насекомых свернуло набок, девушка мгновенно прикрылась им, как щитом, прыснули иглы, хитин царапнул о хитин, а в следующий миг глухой удар проломил глянцевитый череп второй твари.

Двое насекомых медленно оседали, третий, впустую разрядив бионический автомат, с неожиданной ловкостью ушел вбок, стремительно пробежал по деревянным конструкциям, в прыжке оттолкнулся от скалы, меняя траекторию атакующего броска, и... не встретив сопротивления, канул в пропасть, разминувшись с Яной на добрые полметра.

Снизу донесся глухой удар.

– Ну, ты живой? – Девушка шагнула в сумрак, присела подле избитого парня, осторожно приподняла его голову, заглянула в лицо и вдруг смертельно побледнела.

Кровь отхлынула, пальцы дрогнули, губы едва слышно шепнули:

– Антон?!

Он не ответил. Лежал без сознания, словно тряпичная кукла.

Го-Лоит наслаждался. Множество датчиков, расположенных по периметру кратера, передавали ему разнообразные данные. Омни комфортно устроился в одном из недавно отремонтированных отсеков сбитого корабля. Перед ним тускло мерцали сферические мониторы, в их глубинах формировались объемные визуализации мысленных образов Яны, считанные модулем технологической телепатии и переданные сюда для обработки и анализа.

Наверное, единственное удовольствие, которое никогда не приедается, – это тонкие манипуляции с другими существами.

Гибель троих фокарсиан его нисколько не заботила. «Теперь Яна полностью в моей власти», – подумал Го-Лоит. Торжество, ни с чем не сравнимое, ибо каждая постановка выходила за рамки искусства. Ощущение абсолютной власти пьянило. И не важно, каков масштаб события. Иногда столкнуть лбами две цивилизации проще, чем пройти по тонкой грани неведомых ощущений, мыслей, навязывая определенный поступок, играя с именами, образами, формируя события и предугадывая их последствия.

* * *

Яна плакала.

Далеко не светлая жизнь лежала за ее плечами. Она слишком рано повзрослела, выросла в эмосфере мрачной ксенофобии, и до сегодняшнего вечера это казалось правильным, единственно возможным отношением к жестокому миру, к населявшим его инопланетным существам, да и ко многим людям, что уж греха таить.

«Никогда никого не подпускай слишком близко. Не позволяй чувствам возобладать над рассудком» – так учил ее приемный отец.

Прав ли был старый тиберианец?

Яна могла, стиснув зубы, перенести лишения, вытерпеть физическую боль, но внезапный моральный удар оказался невыносимым.

Она вскипятила воду, быстро и умело обработала раны Антона. Он не приходил в сознание. В порезы и ссадины попал неизвестный токсин. Справится ли его организм?

Она закрыла ладонями лицо, замерла, сидя на грубо сколоченной скамье подле лежанки.

Призрак, вернувшийся из прошлого, мгновенно надломил ее глухую защиту, пробудил воспоминания, и Яна вдруг горько, отчаянно захлебнулась непрожитым, вернулась туда, в последний солнечный летний день своей юности...

Губы дрожали. Слезы невольно катились из глаз.

Она смотрела на Антона, узнавая и не узнавая его. Повзрослел. Исхудал. Недельная щетина скрадывала черты. Обметанные жаром губы, синеватые прожилки вен на запястьях, шрам на правом предплечье очерчивали лишь смутно знакомый образ.

Как ты жил эти годы? Кого любил? Вспоминал ли о нескладной соседской девчонке?

Душа кровоточила, но молчала в ответ. «Почему мне так больно? Откуда внутри стылое чувство неправильности, невозможности событий, словно судьба, насмехаясь, швырнула обглоданную кость воспоминаний и теперь выжидает: схвачу ли подачку?»

Холодная ночь кружила над землей. Снаружи доносились рычащая речь норлов и тяжелые шаги мурглов. Им-то что не спится? Потрескивали поленья в очаге. В свете языков пламени поблескивали капельки пота, выступившие на лбу Антона.

Она промокнула их тряпицей.

Его веки дрогнули. Глаза приоткрылись. Полуосознанный, переполненный болью взгляд блуждал, все виделось как в тумане.

– Яна... – сипло, едва слышно выдавил он, вновь проваливаясь в бредовое состояние.

Быть может, ей просто почудился этот хриплый, едва уловимый шепот?

«Он узнал меня? Через столько лет? Думал обо мне? Вспоминал?»

Рассудок кричал: «Не верь! Ты все придумала сама! Конечно, он мог выжить во время того рокового Смещения, но вспомнить тебя, узнать, выдохнуть имя в бреду, на тонкой рвущейся грани между жизнью и смертью – нет, такое невозможно!...»

А как хотелось поверить!

Душа Яны сорвалась в пропасть и падала.

Мы часто не приемлем доводов рассудка. Приходит миг, и вдруг становятся не важны стечения обстоятельств. Надежда не подвержена логике, она безбрежна, наивна, эгоистична и уж никак не стеснена рамками теории вероятности. В любом из нас, на доньшке даже самой циничной, очерстевшей души живут призраки, способные вырваться из темницы памяти, причинить боль, обжечь, вернуть утраченное, пусть ненадолго, на минуту, на час или на день.

Лишь под утро Яна забылась тревожным сном.

Нет, она не ждала каких-то светлых событий. Прошлую жизнь не вернешь. Случайная встреча обещала лишь боль воспоминаний и, наверное, жестокое разочарование... в том случае, если организм Антона справится с токсином.

* * *

Ее разбудило громкое хлопанье крыльев и клекот амгахов.

В прореху между шкурами проникал серый свет пасмурного утра. Эхом разносились крики сотен существ, слышался звон инструментов, тяжелая поступь мурглов передавалась ощутимыми вибрациями.

Антон спал. В тусклом сиянии подернутых пеплом, но еще тлеющих угольев его лицо выглядело землистым, осунувшимся. Сквозь повязки проступила кровь.

Яна разбила корочку льда, умылась холодной водой, изгоняя одурь тяжелого, короткого сна.

«Что мне делать?» – Она присела подле Антона, долго смотрела на него.

Так не бывает. Утраченная любовь наивной девчушки не вернется. Взгляд Яны потемнел. Нашу «случайную» встречу подстроил омни? Она коснулась ладонью скулы Антона, укололась о щетину. «Теперь положить левую руку на его затылок и резким заученным движением сломать шейные позвонки, – пронзила отчаянная мысль. – Так будет лучше. Для нас обоих».

Пальцы дрожали.

Горькая, жестокая мысль угасла.

Яна коснулась губами щеки Антона и, не оглядываясь, вышла.

Он пришел в себя на закате.

Веки дрогнули, но не открылись. Антон чувствовал слабость, уязвимость.

«Фокарсиане, – мысль пульсировала, не давала снова впасть в забытие. – Как я попал к ним в плен?!»

Он ведь прекрасно помнил, что погиб... и вдруг вновь ощутил себя живым, покорно бредущим в окружении насекомых по какой-то пыльной, ведущей в гору дороге.

Неудивительно, что сработали рефлексy.

Тело ныло. Ашанги – превосходные бойцы. В одиночку, без оружия, справиться с ними – нереально.

Антон лежал не шевелясь, прислушиваясь к звукам, каждым нервом впитывая проявления окружающего.

Снаружи доносились неразборчивые голоса, слышались удары примитивных инструментов, стук камней, скрипы лебедек, хлопанье крыльев, иногда удавалось уловить речь фокарсиан, пронзительное шипение скелхов, затем вдруг послышались легкие шаги, всколыхнулась занавесь из шкур. Кто-то вошел, остановился подле него, прохладная ладонь коснулась лба, раздался журчащий звук воды, и снова прикосновение, заботливое, умелое.

Антон приоткрыл глаза, взглянул сквозь ресницы и мгновенно потерял самообладание, узнав дорогой сердцу образ.

Девушка, похожая на ангела из мучительных, несбыточных снов, склонилась над ним, обрабатывая раны, но... такое просто не могло происходить наяву!

Он не сумел, да и не пытался сдержать бурю противоречивых эмоций, вмиг захлестнувших его.

– Яна?! – голос прозвучал сипло. Он с трудом привстал, опираясь на локоть, не в силах оторвать взгляд от ее черт.

Девушка побледнела, ее рука замерла.

– Антон?! Ты действительно меня узнаешь?!

– Яна... Как же я мог тебя забыть?! – Он не верил происходящему, но почему-то принимал его. Принимал без объяснений, без логики, без доказательств.

Она изменилась. Повзрослела.

– Господи, Антон! Это невозможно... – Ее губы дрожали. – Сколько лет прошло? – Она невольно отступила на шаг, пытливо всматриваясь в смутно знакомые черты.

Что же делает с нами любовь?

Она таится внутри. Кажется, все давно прошло, забылось, подернулось пеплом, но приходит миг, и душа вдруг срывается в пропасть, падает, обмирая, не предчувствуя дна.

– Я не знаю. Много. Какая разница, сколько? Волею омни – мы живы?! – вырвалось у него.

Ее взгляд мгновенно потемнел.

– Тебя он тоже возродил? – спросила девушка.

– Да. Я помню, что погиб, – фраза далась Антону с трудом.

Наступила тяжелая, неловкая пауза.

Казалось, они разговаривают на одном языке, говорят об одних и тех же событиях, минута страшного прозрения еще впереди, а пока оба растерялись: сильные при любых других обстоятельствах, они хотели бы поверить в чудо, но знали – чудес не бывает.

– Яна, родная, – вырвалось у Антона. – Мне не важно, что затеял Го-Лоит!

– Антон, не надо! – На глаза девушки навернулись слезы отчаянья. – Это неправильно! Нас используют! Мы не могли с тобой встретиться снова!

Он встал, преодолевая головокружение и слабость, шагнул к ней, обнял, прижал к себе, шепнул:

– Что бы ни задумал омни, на этот раз он просчитался. Я так много думал о тебе! Казалось, потерял навсегда и больше не увижу!..

Слезы текли по щекам Яны. Она не смогла ничего поделать, прильнула к нему, задышавшись от внезапно вернувшегося, потерянного в юности ощущения, когда вдруг перестаешь понимать, где ты, что происходит, да и не важно – ведь она чувствовала частые, глухие, теплые удары в его груди, и ее сердце, очерстневшее, скованное, вдруг замерло, а затем встрепенулось, забило в унисон.

– Антошка... – Она всхлипнула. – Антошка, милый, ты ведь даже внимания на меня не обращал...

– Глупым был... – Он гладил ее волосы. – Стеснялся.

Они не верили ни одному своему чувству, но тянулись друг к другу – оба иззябшие, ожесточенные, почти надломленные жизнью, но сохранившие в глубине души искру несбывшейся любви, частицу тепла.

* * *

Огонь в очаге разгорался. Снаружи зарядил дождь, дул порывистый холодный ветер, издали доносилось унылое, монотонное пение норлов, вечер угас, стужалась тьма.

Ночь кружила над землей, злая, коварная, лютая, пронизанная несбыточными надеждами.

Они ни о чем больше не спрашивали друг друга. Слова утратили смысл или их время пока не пришло?

Омни мог упиваться своей прозорливостью, мнимым знанием тонкостей человеческой натуры – ведь первый порыв неожиданно возрожденных чувств едва не сжег Антона и Яну.

Две рано осиротевшие души, через край хлебнувшие горя и ненависти, потянулись друг к другу, и мир внезапно отдалился, потонул в желтоватых, скользящих по стенам отсветах пламени.

Такое случается раз в жизни, и то не с каждым. Безумие, непохожее на счастье, острая страсть, замешенная на пустоте одиночества, – их чувства слились воедино, растворились друг в друге, время для Антона и Яны остановилось.

Лишь далеко за полночь, когда поленья уже рассыпались головешками, но еще рдели, источая тепло, она вдруг тихо произнесла:

– У тебя рана открылась.

Антон не хотел отпускать ее. Казалось – ускользнет, исчезнет, обернется сном.

– Пустяки.

– Шов разошелся. У меня есть игла и немного ниток. – Она встала, чувствуя себя легкой, как перышко. Мысли только о нем. словно не было тяжелой, надорванной жизни, смерти, необъяснимого возрождения.

Если снова умрем, то вместе. В один день. В один миг. Она больше не ощущала обреченности в промелькнувших мыслях. Сознание словно переродилось.

Вернувшись, Яна присела, вытерла выступившую на его плече кровь. Ей не раз приходилось зашивать раны, но сейчас рука замерла, не в силах уверенным движением проколоть его кожу.

– Давай, ты чего? – Он улыбнулся тепло, ободряюще, так, что у Яны закружилась голова. Она быстро, умело стянула края глубокого пореза.

– Антошка, что с нами будет?

Он долго молчал. Яна убрала иглу, нитки, прилегла рядом, прижалась к нему.

– Где мы? – спросил Антон.

– В Первом Мире, разумеется, – ответила она, не задумываясь.

– Первый Мир? Никогда не слышал о таком.

Яна обмерла, напряглась, с трудом делая вид, что все нормально.

Неужели предчувствие не обмануло?

И снова – иней на сердце, секунда напряженного отчуждения, оттенки состояний, – кажется, душа уже изранилась в кровь о туго натянутые нервы.

«Нет! Я не смогу еще раз потерять его! Откуда мне знать, как воздействует технология воскрешения на рассудок? Возможно, он просто забыл некоторые моменты прошлого? Он ведь только недавно очнулся и наверняка дезориентирован». Мысли неслись вихрем, сердце билось неровно и часто.

– Антошка. – Она заставила себя взглянуть в его глаза. – Как ты жил все эти годы?

Он обнял ее.

Го-Лоит с шипением сплел шеи. Наступил роковой момент. Сейчас все решится. Либо его план безупречно сработает, либо... – он замер в напряженном ожидании.

Антон не стал размениваться на слова. К чему, если им обоим вживлены модули технологической телепатии?

Яна невольно вздрогнула, когда образы из его рассудка коснулись ее сознания, затопили его.

Глава 2

Неизвестная точка пространства...

В утреннем тумане все звуки слышатся особенно четко.

Солнце еще не взошло, царили мглистые сумерки, но Антошка уже проснулся, лежал на мягкой, ворсистой, удобной развилке ветвей, ощущая привычное покачивание бредущего дерева, слушая сонный шелест змееподобных трав, вдыхая терпкие запахи токсинов. На душе было спокойно. Он радовался новому дню, предвкушал скорую встречу с коричневым морем, затаив дыхание, мечтал, как сегодня будет бегать по рыжим песчаным отмелям, – ведь кочующий лес надолго останавливался вблизи побережья!

Взрослые постоянно о чем-то беспокоились, но десятилетнему мальчишке их тревоги непонятны.

Он вырос среди альбийских туманов, с первыми осознанными впечатлениями впитал красоту окружающей природы и простой уклад жизни. Тошнотворные для старших запахи воспринимались Антошкой как привычные ароматы, его ничуть не мучило от постоянного чавкающего шума, с которым корненоги бредущих деревьев пожирали змееподобное разнотравье.

Толстая ветвь над головой изогнулась, пружинисто дрогнула. Утренний туман тек густыми полосами, и мальчик не разглядел, кто спустился с наблюдательного яруса, зато отчетливо услышал голос старика Веба:

– Море километрах в десяти.

– Лес, как обычно, остановится на пару недель, – отозвался Глеб Стужин. – Придется попотеть, откапывая шлюз «Корпускула».

– Зря мы послушали корпов. – Старик надрывно закашлялся. – Анклаву тут не выжить.

– Сделанного не вернешь, командир. Думать надо было раньше, когда отступали из Солнечной системы. Здесь, по крайней мере, нас не найдут омни.

– Зато добьют токсины, – мрачно предрек Веб.

Антошка ничего не понял из их разговора. Да и не старался понять, ведь у мальчишки иные заботы. Ему не терпелось дожидаться, когда восход солнца растопит туман, отпроситься у родителей и бегом к морю!

* * *

Море было светло-коричневым, мутным, прибрежный песок оранжево-искристым, теплым. Сюда не заползали змееподобные травы, здесь не ступали корненоги бредущих деревьев, и только кистеперые рыбы неуклюже выбирались из воды, чтобы погреться на солнышке, да огромные панцирные многоножки шустро сновали по пляжу, оставляя в песке бесчисленные запутанные следы.

Кочующий лес остановился вдалеке. Деревья никогда не подходили близко к кромке соленой воды, не пересекали неровной линии, где оканчивалось шипящее многотравье и начинались рыжие прибрежные дюны.

Антошка вместе с другими ребятами бегал по мелководью, пугал кистеперых рыб, визжал, хохотал и резвился.

Счастье. Бездонное небо над головой. Пьянящий горьковатый воздух, палящее солнце, коричневатые горбины волн – ощущения беззаботного детства.

Взрослые купаться не пошли. Разбрелись по берегу, собирая панцири многоножек, а затем, отыскав самую большую из дюн, принялись копать.

Работа шла медленно. Солнце уже перевалило за полдень, а они все трудились с непонятным, молчаливым, обреченным упорством, не обращая внимания на жару, отгребая песок при помощи прочных панцирей, переноса его подальше, ссыпая горками, а морской ветер, любопытствуя, крутил вокруг места раскопок пыльные смерчи.

Антошка закупался, проголодался, устал. От обилия новых впечатлений кружилась голова.

– Эй, айда посмотрим, что там родители нашли! – раздался крик.

Конечно же, он припустил с остальными. Стайка ребят растянулась по пляжу. Исконные обитатели побережья испуганно разбежались. Мальчишки и девчонки, погодки от восьми до десяти лет, внушали им инстинктивный страх.

– Ух ты! – Первым до места раскопок добежал Мишка, самый старший из ребят, ему было одиннадцать. – Да здесь дыра какая-то! И куда все взрослые подевались?!

Действительно, странно! Антошка перешел на шаг, недоуменно оглянулся, посмотрел в направлении кочующего леса, но тот возвышался молчаливой стеной.

– Они чего, туда полезли? Зачем? – наперебой спрашивали ребята. Дети испугались, ведь взрослые никогда не бросали их одних, всегда находились неподалеку, не разрешали слезать с деревьев во время движения и только тут, на побережье, давали волю.

– Ну, вы как хотите, а я полезу, посмотрю! – Мишка прятал страх за громкими фразами. – Кто со мной?!

Девчонки не решились. Антону овальная дыра, окаймленная черным, мягким на ощупь выступом, внушала оторопь. На дупло дерева не похоже. Ход явно вел куда-то вниз. Дети понятия не имели, что такое подземелье или пещера, их жизнь проходила на деревьях, и шаг в пугающую темноту требовал изрядного мужества.

– Я с тобой! – ломким от волнения голосом произнес он.

– Ну, тогда пошли. – Мишку внезапная поддержка Антона совсем не порадовала. Он вообще-то собирался выждать многозначительную паузу и отказаться от дурацкой затеи.

– Ты первый! – Антон вцепился в толстый, местами растрескавшийся кант уплотнителя, заглядывая в сумрак.

Тоннель уводил вниз. В его глубинах угадывался неяркий свет.

Мишка переступил порог, оглянулся.

– Ну, где ты там застрял?

Страшно – не то слово. Земля под ногами холодная, твердая, ровная и серая. Издалека доносились невнятные голоса. В глубинах что-то позвякивало.

Мальчишки шли крадучись. В плотном сумраке их била дрожь, приходилось постоянно осязая стены кончиками пальцев. Что за странное, жуткое место? Воздух тут пах непонятно, тревожно.

Наклонный тоннель разбежался развилкой. Голоса взрослых теперь звучали отчетливее, источник света стал ближе, но все равно кожу стягивало крупными мурашками. После теплого пляжа и яркого солнца обстановка казалась гнетущей.

Немного глубже и дальше, у пересечения тоннелей, тускло сияло несколько квадратов, вмонтированных в изгибающийся аркой свод.

Мир природы не знает резко очерченных, геометрически правильных форм. Ребятам все казалось странным, ненастоящим. На пути им постоянно попадались выступающие из стен ребра жесткости, одинаковые по форме и толщине. За приоткрытыми овальными дверями (это слово они знали) таилась тьма.

– Нам по шее надают. – Нервы у Мишки окончательно сдали, но Антошка его не слушал.

– Пошли. Там голоса!

– Лучше назад!

– Струсил?

– Нет.

Они, крадучись, преодолели еще метров десять.

Свет стал ярче. Он исходил из огромного «ангара номер семь» – надпись мальчишки прочли на стене подле овального входа. Грамоте их учили с малолетства.

Взрослые таскали тяжеленные, ребристые пластиковые кофры, складывали их у выхода.

– Что там? – Мишка вытянул шею.

– Ящики какие-то.

– Надпись прочти. Мне не видно.

– Модуль полевой биологической лаборатории, – медленно, по слогам, прочел Антошка.

Старик Веб появился из сумеречных глубин ангара, устало присел на черный контейнер, вытер капельки пота, выступившие на лбу, надрывно закашлялся.

К нему подошел отец Антона.

– Ты чего? Опять приступ? Ингалятор с тобой?

Старик кивнул. Говорить ему было еще труднее, чем дышать.

– Потерпи. К вечеру развернем оборудование, проведем анализ, синтезируем антитоксины.

– Я о детях думаю, не о себе, – сипло, с неприятным бульканьем выдавил старик. – Им как жить? Запаса реагентов надолго не хватит. Оборудование изнашивается. Заменить его нечем.

Мальчишки притихли, прислушиваясь к голосам.

Взрослые прекратили таскать ящики, подошли, столпились вокруг старика.

– Ты – капитан корабля, Веббрий, и должен знать, как их спасти! – В наступившей тишине женский голос позвучал громко, с упреком и вызовом. – Мы же не обсуждали приказы! Верили принятым решениям! Дети-то в чем виноваты?! А ты теперь им смерть пророчишь?!

– Да мы все здесь подохнем от проклятых токсинов! – разом загомонили взрослые. – Нет у нас шансов! И никогда не было!

– Не кричи, Анна! Делу этим не поможешь... – хрипло, надрывно ответил старик. – «Альбион» – боевой корабль. На борту нет техники терраформирования, и вы все это прекрасно знаете! Выбор планеты определяли экзобиологи корпорации!.. – Он снова закашлялся, сипло добавил: – Но «Корпускул» разбился при посадке! Весь научный состав экипажа погиб!..

– Ты не оправдывайся! Лучше скажи, что нам делать?! Крейсер ведь уже не поднимешь в космос!

– Вот именно! Новую планету отыскать невозможно! – Все больше голосов подключались к спору, ожесточение вспыхнуло вмиг и росло, как пожар.

– Корабль надо ремонтировать! – раздавались мнения. – Задержаться на побережье, а не кочевать вместе с лесом!

– Ну а где ты возьмешь запасные части?

– Колонию надо организовать! Пора слезать с этих треклятых деревьев! На борту корабля выжить намного проще!

– Нельзя запускать реактор! Нас обнаружат по сигнатуре!

– Да никому нет дела до этой проклятой отравленной планеты!

Антошка никогда не видел взрослых такими злыми. Они кричали друг на друга, махали руками, лишь немногие отошли в сторону и молча наблюдали за вспыхнувшей склокой.

Мать Антона внезапно протолкалась вперед, встала рядом со стариком Вебом и, перекивая других, приказала:

– А ну прекратите! Сейчас же!

Все стихло. Мальчишки даже дышать боялись.

– Не стыдно?! – Она обвела крикунов долгим тяжелым взглядом. Антошка не узнавал маму. Всегда спокойная, добрая, она никогда ни на кого не повышала голос. – Набросились на старика! А сами? Все манны небесной ждете?! Разочарую: никто не придет на помощь! Десять лет минуло! Альбион теперь наш дом, нравится это кому-то или нет! Все корабли корпорации погибли.

– Ты откуда знаешь?! – вновь раздались выкрики.

– Была в рубке. Система «Корпускула» сканирует частоты связи в автоматическом режиме. За все годы – ни одного сигнала бедствия!

– Но мы же умрем, если не получим помощь! Надо ремонтировать крейсер! Искать другую планету! – вновь, перебивая друг друга, загомонили взрослые.

– Я бы согласилась, – мать Антошки держалась уверенно. – Но это невозможно. И «Корпускул» и «Альбион» получили серьезные повреждения при аварийной посадке! Герметизация многих отсеков нарушена, внутрь давно попала влага. Кибернетические системы испорчены. Кто не верит – советую пройти по всем постам и палубам. Нам не справиться с таким объемом ремонтных работ!

– Но дети! – в отчаянии выкрикнула Анна.

– Выживание – наша общая задача! Криком, стенаниями тут не поможешь! – ответила мать Антошки и тут же добавила, немного тише, спокойнее: – В ангарах «Альбиона» герметичность не нарушена. У нас есть два войсковых транспорта.

– И какой от них прок?! Можешь выразаться яснее?!

– Грузовые корабли способны совершить прыжок на координаты Земли и вернуться!

– А смысл?! Там только радиоактивный пепел!

– Кто-то из нас должен рискнуть! – ответила мать Антона.

– Чем нам поможет возвращение на Землю?! – вновь раздались выкрики.

Мишка и Антошка затаились, слушая взрослых, не понимая причин их злости и отчаянья.

* * *

Угрюмо молчавший Веббарий вскинул голову.

– Вы все прекрасно знаете, в чем изначально заключался план спасения. Омни уверены, что люди уничтожены, и не сунутся сюда! Им и в голову не придет искать Анклав на токсичной планете с враждебной биосферой!

– Слабое утешение!

– Это был осознанный выбор! – ответил капитан «Альбиона». – Вспомните, когда мы отступали из Солнечной системы, разве существовал какой-то иной шанс? Сколько людей погибло, прикрывая наш отход? Нам доверили криогенный модуль с детьми, и мы будем искать способ выживания!

– Да о чем ты говоришь?! – Анна вновь набросилась на Веббария с упреками. – Мы зря поверили корпам! Они обещали нам высочайшие технологии, а что вышло на самом деле?! До точки гиперперехода из всего флота дотянули только «Альбион» и «Корпускул»! Большинство оборудования утрачено, научные подразделения погибли!

Веббарий помрачнел.

– Вы правы. – Он обвел взглядом бледные, напряженные лица, провел ладонью по ребристой поверхности ящика, на котором сидел. – Это последний модуль полевой биологической лаборатории. Его ресурс ограничен. На синтезе антитоксинов нам долго не протянуть – рано или поздно закончатся реагенты. Нужно искать принципиально иное решение. Для этого кому-то из нас придется вернуться на Землю.

– Какой смысл?

– Я объясню, – ответил командир «Альбиона». – Перед войной две корпорации – «Генотип» и «Инфосистемы» совместно разрабатывали ряд уникальных устройств. С их помощью человек способен выжить в условиях чуждых биосфер. «Корпускул» эвакуировал архивы корпораций. Данные зашифрованы, и я потратил годы, чтобы получить нужную информацию, но в ней, и только в ней, наше спасение! Да, Земля сожжена, но мне удалось выяснить: там уцелела система бункерных зон, где сконцентрировано технологическое наследие цивилизации!

Надежда то вспыхивала, то угасала.

Многие разочарованно отворачивались, вновь раздался нестройный шум голосов:

– Омни наверняка сканировали каждый камушек! Они давным-давно нашли убежища и вскрыли их! Это пустая затея!

– Не думаю, – Вебрарий с трудом повысил голос. – Бункера, где проводились секретные исследования и хранились прототипы новейших устройств, хорошо замаскированы и отлично защищены. Их не обнаружат сканеры. Нужно знать точку входа и обладать специальными полномочиями, иначе при попытке взлома произойдет автоматическая самоликвидация убежища.

– Ну, и как же попасть внутрь?!

– У меня есть три микрочипа с высшим приоритетом доступа, – признался командир «Альбиона».

– Откуда?!

– Это импланты, – пояснил Вебрарий. – Я изъям их из тел погибших офицеров «Корпускула».

– А биометрические данные? Где мы их возьмем?

– Образцы ДНК мной сохранены. Если доработать систему скафандра и не снимать его, ссылаясь при проверках на радиационное заражение, то рубежи охраны можно преодолеть.

– Что именно надо искать? – выйдя вперед, спросил Глеб Стужин.

– Ты вызовешься добровольцем?

– Да, вызовусь! Никто не справится лучше!

Вебрарий кивнул:

– Я бы сделал ставку на семнадцатое убежище «Генотипа», – ответил он, обращаясь ко всем. Людям нужен хотя бы проблеск надежды. Нет смысла утаивать информацию, полученную при кропотливой расшифровке архивов. Речь идет о микромашинных комплексах, – продолжил старик. – Они вводятся в организм и работают как корректоры метаболизма, не изменяя человека генетически, но адаптируя своего хозяина к агрессивным средам. Технология прошла испытания, но ее не успели внедрить – помешала война с фокарсианами.

– Почему же ты молчал до сих пор?! Каким образом отыскать нужный бункер?! Насколько безопасны наниты?! Они справятся с токсинами Альбиона? – Вопросы вновь посыпались со всех сторон.

– У меня нет специальных научных знаний, – развел руками Вебрарий. – Популярных разъяснений я также не нашел, только данные экспериментов, а они трудны для понимания. Нам придется рискнуть, ввести себе наниты и наблюдать. Поймите, я офицер, а не ученый. Да и говорить о практическом применении микромашин пока еще рано. Прыжок на координаты Земли связан с огромным риском. Это крайний шаг. Планета не просто заражена радиацией. Там наверняка сохранились боевые кибернетические системы и подвергшиеся мутациям формы жизни.

– Ты даешь надежду и тут же ее отнимаешь! – с досадой выкрикнул кто-то.

– Я стараюсь не строить иллюзий.

Мальчишки почти ничего поняли из разговора взрослых. Им хотелось назад, к ласковому свету солнца и теплему морю.

Мишка тронул Антошку за плечо:

– Пошли, пока нас не заметили, – шепнул он. – Накажут.

* * *

Антошка вскоре позабыл о том происшествии.

Глеба Стужина он больше не встречал. Ребристые ящики взрослые отнесли в поселение, надежно закрепили их в кронах бредущих деревьев, и когда кочующий лес вновь начал миграцию, жизнь, казалось бы, вошла в привычное русло.

В детстве многие события выглядят простыми, но они откладываются в памяти, воздействуют исподволь, ненавязчиво.

Образ родины прочно ассоциировался у Антошки с туманными восходами Альба, шипящими на ветру змееподобными травами, коричневым морем, оранжевыми пляжами и дремучими зарослями бредущих деревьев – царством дикой и опасной для человека природы, среди которой он вырос. В полуденный зной было приятно сидеть на мягкой замшелой развилке ветвей, ощущать равномерное покачивание, сонно внимать хрустящим звукам, с которыми корненоги бредущих деревьев подминают змееподобные травы, растирают их в приторно пахнущую массу, а затем всасывают с хлюпающим звуком.

Ему казалось, что люди всегда жили в кочующем лесу, двигаясь вместе с ним. Ядовитое разнотравье служило пищей для бредущих деревьев, а их плодами, созревающими ежедневно, ко времени вечерних туманов, в свою очередь, питались жители Анклава.

Именно тут возникала проблема, которую никто из взрослых не скрывал и не пытался преуменьшить. Разнообразие змееподобных трав неисчислимо. Лес проходит примерно десять километров в сутки, но его путь неисповедим. Бредущие деревья могут неожиданно свернуть, найти себе новое пастбище, и состав накапливающихся в плодах токсинов тут же изменится, поэтому наблюдатели, разведчики и сборщики никогда не сидели без дела. Нужно определить, какое направление изберут бредущие деревья, какими травами станут кормиться, собрать их яд, провести химический анализ, создать правильную формулу препарата, сделать людям инъекции, чтобы организм успел выработать антитоксины.

Для Антона это выглядело обычным укладом жизни. Лет с двенадцати он начал помогать взрослым, забираясь высоко на замшелые ворсистые ветви, наблюдая за предстоящим маршрутом, высматривая тропы, по которым разведчики могли бы безопасно пройти, собирая образцы трав.

Он не хотел и не искал для себя ничего иного, но, становясь старше, начал невольно прислушиваться к разговорам взрослых.

Вечерами, когда кочующий лес останавливался, приходило время легенд. Старики (а их становилось все больше) собирались вместе, вспоминали другую планету – потерянный технологичный рай, откуда началась недолгая экспансия человечества к звездам.

Они говорили о Земле, вплетая сталистые нити технологий в каждую фразу.

Укладываясь спать после сытного ужина, когда холодные полосы тумана лениво текли меж ворсистых ветвей, Антошка внимал доносящимся из мглы голосам.

Оказывается, люди не всегда жили на Альбионе. Они бежали сюда, сознательно выбрали мир с токсичной биосферой. Только так анклав мог скрыться от омни – таинственных, жестоких существ, доминирующих в космосе, и их безропотных, беспощадных, искусственно выращенных бойцов, имя которым – скелхи.

Поначалу для Антошки ничего не значила тоска, звучавшая в словах стариков, но вечер за вечером из мглы проступали образы, принадлежащие иной реальности, и воображение юноши со временем накопило их, начало формировать тревожащие воображение картины иных миров и могучих межзвездных кораблей, сгорающих в пламени космических битв.

Он узнал, что Земля погибла. Планету атаковал флот насекомоподобных существ, именующих себя фокарсианами. Омни стравили две молодые экспансивные цивилизации, а сами

остались в стороне, наблюдая, как существа, способные причинить им немало проблем, взаимодействуют друг друга.

«Эти омни, должно быть, сумасшедшие», – думал Антон. Со слов стариков он понял, что космос огромен и места в нем хватит всем. А если делиться технологиями, работать сообща, как, к примеру, действуют разведчики, изучая путь миграции бредущих деревьев, то проблем вообще не будет!

Зачем же разрушать, уничтожать цивилизации, если можно жить в мире, осваивать различные планеты, двигаться вперед, поддерживая друг друга?

Впрочем, жизнь сполна отплатила Антону за наивность, жестко стерла юношеские иллюзии.

Старики доживали свой недолгий век. Немногие устройства, при помощи которых удалось исследовать токсины и создавать защитные препараты, постепенно выработали ресурс, стали выходить из строя. Анклаву грозило скорое вымирание.

Последней надеждой по-прежнему оставалась Земля – потерянная прародина, испепеленная ядерными ударами, но никто из старшего поколения уже не мог отправиться туда. Ежедневная борьба с токсинами окончательно подорвала их здоровье.

Дети выросли. Невзирая на строгие предостережения старших, они дали начало новому поколению. Юность, первая любовь – этого не запретишь, не загонишь в рамки, не остановишь нотациями или увещаниями.

Глеб Стужин так и не вернулся. Теперь настал черед кого-то из молодых отправиться в опаснейшее путешествие через загадочный гиперкосмос, к далекой, таинственной прародине.

Но как вчерашний подросток сможет управлять последним оставшимся в распоряжении анклава войсковым транспортом? Где взять знания, навыки, если их жизнь проходила в кронах деревьев, была проста, почти первобытна?

Солнечная система

Мир пепла.

Сверкающие в лучах солнца обломки орбитальных конструкций окружали дымчато-серый шар планеты – такой он увидел и навсегда запомнил Землю.

Поначалу Антон не испытывал страха, горечи или других острых чувств. Отсек прогрессивной имплантации на борту «Корпускула», модуль киберпространства, да бесконечная отработка навыков пилотирования, ведения поисковых работ вперемешку с нештатными ситуациями – вот все, чем он жил на протяжении последних лет.

Ему хотелось помочь близким, мечталось увидеть Землю, соприкоснуться с утраченным могуществом цивилизации, о которой так много говорили старики, и он согласился принять участие в опаснейшей экспедиции, но цифровые пространства не смогли подготовить Антона ко встрече с реальностью. Симуляторы, виртуальные полигоны – все это было ненастоящим. Он столько раз погибал и воскресал на их просторах, что сбился со счета, и его рассудок начал рефлекторно защищаться, превратил изнурительные тренировки в некую игру, которую Антон прошел до конца, став победителем.

Транспортный корабль, способный совершить прыжок через гиперкосмос, на координаты прародины, был всего один, а кандидатов двадцать.

Антон превзошел всех в навыках пилотирования, в стрельбе по нечетким силуэтам, в общенаучной подготовке.

И только тут, на орбите легендарной прародины, он впервые по-настоящему почувствовал, что такое одиночество, неуверенность и страх.

Годы подготовки вырвали сознание из привычного, размеренного уклада жизни. Благодаря обучающим системам «Корпускула» юношей сейчас руководили навыки, доведенные до уровня рефлексов, но они не гарантировали успеха.

Тонко пискнул сигнал. В сфере эффективного сканирования рябило от засечек. Кибернетические системы не обнаружили среди обломков действующих устройств. Отдельный голографический экран показывал лишь естественные тепловые сигнатуры, а душа вдруг сжалась, заледенела.

Он знал: оставаться поблизости от точки гиперперехода опасно, но ничего не мог поделать с внезапным состоянием. Тонко попискивали сигналы, ровный свет экранов придавал лицу бледность, пальцы рук, охватившие пористую поверхность астронавигационных рулей, мелко подрагивали. Взгляд вбирал панораму разрушений, система распознавания целей уверенно дорисовывала контуры некоторых особенно крупных обломков, и тогда в глубинах сферы воспроизведения появлялись реконструкции космических кораблей, искусственных спутников, орбитальных станций.

Многие из тусклых засечек внезапно обретали материальность, оборачивались частицами прошлого, немо повествовали о судьбах, оборванных боем, о несбывшихся мечтах, о гибели миллиардов людей.

Обломки искрились, вытягиваясь тонкими орбитальными кольцами, поблескивающим жгутом тянулись к Луне, окутывали ее, образуя подчиненные силам гравитации течения.

Секунды промедления ломали сознание – стремительно, остро, необратимо.

Автопилот назойливо взмаргивал индикатором. В объеме навигационного дисплея пылающей изумрудной нитью пружинисто свивался предстоящий курс. Он огибал скопления космического мусора и закручивался тремя орбитальными витками. Кибернетические подсистемы корабля требовали от пилота действий, и Антон вздрогнул; шоковые ощущения стали чуть глуше, словно он медленно всплывал из темной пучины острого внезапного сопереживания навстречу тусклому свету приборных панелей.

Спустя минуту включились маршевые двигатели, и войсковой транспорт, окутанный вуалью маскирующих полей, устремился к Земле, следуя проложенному курсу.

* * *

Коварные пояса обломков располагались на орбитах прародины.

Мельчайшие металлизированные частицы образовывали подобие туманности, осложняли работу сканеров, не позволяли развить желаемую скорость, резко сокращали видимость.

Огромные конструкции словно призраки появлялись из мглы, и душа Антона невольно сжималась от мгновенно пойманных взглядом ракурсов. Трудно было представить истинный масштаб произошедшей тут космической битвы, но ее отдельные фрагменты вновь и вновь повергали его в шок.

Большинство кораблей и станций хранили следы тотальных разрушений. Их окружали характерные признаки взрывной декомпрессии пораженных отсеков: выброшенные в космос облака кристаллизованной атмосферы, обломки механизмов, различные предметы и даже тела погибших, навек законсервированные вакуумом.

Хватало и чужеродных конструкций. По количеству черных, асимметричных, покрытых замысловатыми наплывами фрагментов было нетрудно понять: защитникам Земли пришлось отразить удар настоящей армады, насчитывавшей тысячи боевых единиц.

Системы автоматического пилотирования все чаще подавали сигналы о сбоях. Датчики слепли. Антон постепенно погружался в мрачную, безысходную, непривычную для него эмосферу. Проложенный курс на проверку вел к гибели, и он перешел на ручное управление, маневрируя среди обломков, чувствуя себя песчинкой на фоне проплывающих мимо исполинов.

Три запланированных орбитальных витка теперь выглядели бессмысленной тратой времени и топлива.

Металлизированная туманность плавно перетекала в пепельную атмосферу прародины. Не было вообще никаких ориентиров.

Антон так и не сумел унять дрожь. Он отработал астронавигационными рулями, осознавая, что снижается навстречу абсолютной неизвестности.

Все расчеты, прогнозы, предположения обернулись тщетой. Никто ведь в точности не знал, насколько сильно пострадала Земля. Что ждет пилота под пеленой серой, токсичной, пронизанной радиацией облачности.

Войсковой транспорт плавно обогнул два клубящихся выброса, и вскоре экраны обзора полностью затопила пепельная хмарь.

* * *

Поверхность Земли Антон увидел неожиданно.

Прародина... Если ты рожден человеком, то всегда узнаешь истоки, пусть не рассудком, но душой и сердцем.

Облака расступились, внизу простиралась панорама бескрайнего города, потонувшего в красновато-сером сумеречном свете. Стены большинства зданий рухнули, частично уцелели лишь остовы несущих конструкций. Мерклый полдень сочился сквозь опаленные скелеты небоскребов, взгляд Антона тонул в панораме разрушений, пространство и время неуловимо меняли свойства – казалось, вселенная исчезла, остался только этот миг, душа трепетала, десятки бортовых датчиков подключились к восприятию, но рассудок игнорировал их показания.

Строки отчетов стекали к нижним срезам экранов, а он вел корабль на предельной высоте, у границы облачности, пытаясь унять глухие, частые удары сердца.

Мегаполис, когда-то занимавший площадь материка, сейчас уже не выглядел единой инженерной конструкцией – в результате разрушений он дробился на отдельные разноликие пространства. В местах попаданий орбитальных бомб простирались пустоши, обрамленные уступчатыми руинами. Эпицентры давних взрывов отблескивали поверхностью воды; над гладью затопленных воронок воздух мерцал и светился.

Усиленное датчиками восприятие подмечало множество деталей. Войсковой транспорт двигался на дозвуковой скорости, и панорама перемещалась медленно. Вот в поле зрения попала группа практически не поврежденных зданий. Взгляд Антона тут же выделил постройку с уцелевшими фасадами – они матово отсвечивали в сумраке, и вдруг руины вновь начали понижаться уступами очередного «амфитеатра», на дне которого виднелась мертвая рябь радиоактивного озера.

Никаких признаков жизни.

Он наконец обратил внимание на показания сканирующих комплексов. Ни одной четкой, поддающейся идентификации сигнатуры. Лишь фоновое излучение расплзается пятнами. В эфире на всех коммуникационных частотах потрескивают помехи.

Войсковой транспорт лег на новый курс. Вход в семнадцатое убежище корпорации «Генотип» располагался в подвале огромного торгового центра. Электронные карты никуда не годились. Составленные до войны, они не отражали действительности. Антон с трудом отыскал ориентиры, избрал правильное направление, но в деталях ему предстояло разобраться на месте.

Впереди медленно проступали очертания двух похожих на невысокие горные хребты мегакварталов, протянувшихся параллельно друг другу. Их разделяло заполненное многоуровневыми магистралями пространство – именно его кибернетическая система, оперирующая данными довоенных лет, рекомендовала в качестве посадочной площадки, но в реальности все выглядело иначе.

Разрушения в этой части города оказались значительными, обломки зданий, громоздящиеся повсюду, делали посадку невозможной, сканирование указывало на неустойчивость большинства сохранившихся путепроводов, к тому же у самой земли клубилась похожая на туман пепельно-серая субстанция, блокирующая работу датчиков.

Антон уже понял, что полагаться на системы автоматического пилотирования нельзя. Но справится ли он на ручном управлении? Энергии для антигравитации в обрез, маневрового топлива – минимум.

Он окинул взглядом уступы мегакварталов. Некоторые части конструкций, расположенные на большой высоте, выглядели достаточно прочными. «Заманчиво, конечно, но моя цель расположена ниже, – подумал Антон. – Блуждать по коварному лабиринту руин нет времени – ресурс скафандра рассчитан всего лишь на двадцать часов автономной работы. Надо искать подходящую площадку у основания мегакварталов», – решил он.

Подчиняясь его воле, корабль начал снижаться между двумя огромными жилыми комплексами. От ударной волны двигателей вибрировали руины, вниз срывались мелкие обломки.

У Антона перехватило дыхание. Он испытывал нереальное, ни с чем не сопоставимое волнение. Сумеречное пространство постепенно сужалось. Транспортные структуры, сплетенные в тугое кружево, выглядели как черно-серые, местами разорванные ленты. Одни карабкались ввысь и внезапно обрывались лохмотьями тросов, на которых медленно раскачивались фрагменты конструкций, другие ветвились на перекрестках, уводя в глубь жилых комплексов зевами тоннелей, третьи изгибались плавными лепестками межуровневых переходов. Повсюду виднелись ржавые корпуса машин, скелеты построек подступали все ближе и ближе, ограничивая пространство для маневра.

Утраченная прародина выглядела зловеще. Пепельный туман стлался над землей, лениво тек между остовами небоскребов. Нервный писк лазерных дальномеров теперь не стихал ни на миг. Из мглы выступали угловатые осыпи руин, рельеф боковых улиц, образованный

нагромождениями строительного мусора и сгоревшей техники, также не предполагал удачной посадки, и Антону приходилось огibtать препятствия, рискованно маневрировать в поиске более или менее ровного участка местности.

Наконец в поле зрения появилось открытое пространство. Подсистемы выдали на отдельный экран гибридную модель местности, как выглядела она при составлении электронных карт. Раньше тут располагалась огромная площадь, украшенная фонтанами, деревьями, скульптурными группами. От бывшего великолепия теперь ничего не осталось. По краю площади вздымался вал рухнувших построек, растительность превратилась в прах, повсюду поблескивали лужи воды да виднелись покатые, оплавленные, стекловидные горбины.

Он взглянул на датчики. Это и была поверхности Земли, нулевой уровень мегагорода, глубже располагались только подземные коммуникации.

«Лучшего места не найду. До цели отсюда далековато, но иных вариантов нет», – мысленно рассудил он.

* * *

Посадочные опоры коснулись Земли. Одна взметнула облачко серого праха, другая, расплескивая воду, просела в зыбь, третья отработала амортизатором, чуть приподняв корму.

Тихо потрескивала остывающая обшивка.

В ушах у Антона шумело. Он некоторое время неподвижно сидел в полном оцепенении. Все пережитое, с момента старта и до этой секунды, казалось мрачным, тяжелым сном, но интуитивно он понимал: худшее впереди.

Сколько он думал об этой минуте, сколько раз представлял ее?

Но игра воображения закончилась. Альбион остался за сотни световых лет отсюда, а реальность Земли слишком резко и недвусмысленно отличалась от любых, самых пессимистичных прогнозов.

Он включил таймер. Цифры обратного отсчета начали неторопливый бег в открывшемся крохотном оперативном окошке, показывая, сколько времени у него осталось.

Оружие, снаряжение, необходимые припасы – все было приготовлено заранее.

Тонко взвыли сервомоторы пилотажного кресла, разомкнулись противоперегрузочные демпферы, от бронескафандра отсоединилось автономное питание, щелкнули фиксаторы, давая возможность встать.

Антон медлил. Обзорные экраны транслировали панораму мертвого города. Мегакварталы вздымались черно-серыми мрачными уступами, ветер стлал пепельную поземку, мир, погруженный в красноватую мглу, источал враждебность.

«Но что же я ожидал увидеть? – царапнул мысленный вопрос. – Возродившуюся из руин цивилизацию?»

Вдруг нахлынули иные воспоминания. Теплый пляж. Песок. Тающие под лучами солнца полосы утреннего тумана. Лица тех, кто остался на Альбионе, и среди них – дорогой сердцу образ светловолосой девушки, взгляд которой он ловил украдкой, не находя смелости признаться, как сильно и чисто он ее любит.

* * *

В первый миг, когда отработал затвор шлюза, навалилась тишина – мертвая, глубокая. Сердце по-прежнему колотилось часто, неровно, и лишь немного успокоившись, Антон услышал тонкое завывание ветра, отдаленный скрип металлических балок, звуки капающей воды, вкрадчивый шорох пепельной поземки.

«Неужели я один в мертвом мире?»

Он настороженно осматривался. Подсистемы экипировки вносили свою лепту в букет острых ощущений. Стоило лишь на секунду задержать взгляд, сосредоточить внимание на фрагменте руин, и вдруг в толще прозрачного проекционного забрала гермошлема появлялось объемное изображение здания в его первозданном виде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.